

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ!

ОФИЦЕРЫ

★ ЛЕВ ПУЧКОВ ★

ЖЕСТКАЯ РЕКОГНОСЦИРОВКА

ЭКСМО

Лев Пучков
Жесткая рекогносцировка
Серия «Русское Бюро», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139884
Жесткая рекогносцировка: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-20306-2*

Аннотация

Теперь цель команды полковника Иванова – наркомафия. А это, пожалуй, опаснее, чем операции в горах Чечни. Ведь на «мероприятия» они отправляются без оружия, благо, боевые навыки не подводят. Так, в результате несанкционированного контакта четверым бойцам команды пришлось вступить в схватку и уничтожить девятерых бандитов. Ну, работа есть работа. И все бы шло по плану, но тут в дело вмешалась какая-то третья сила. Цель та же, что и у команды – наркоделы, а вот задачи совсем неясны. А главное – ошеломляют методы «работы»: тотальная зачистка всех, кто так или иначе крутится вокруг наркотиков. Ни суда, ни следствия – выстрел в упор и точка. Что за организация и кто ею руководит? Похоже, чтобы ответить на это, команде не обойтись без весьма небезобидных контактов...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	50
Глава 2	83
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Лев Пучков

Жесткая рекогносцировка

Некоторые события, описанные в книге, выдуманы. Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций намеренно изменены. Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.

Пролог

«Cool, Cool, Cool!!!»

«...Жизнь прекрасна.

Нет, это не просто цитата из классики. Это вполне емкое и исчерпывающее определение текущего момента.

Мне восемнадцать. Я абсолютно здорова, умна, недурна собой...»

– Да ладно скромничать, ты у меня просто краса писаная!

«*Это папа. Папа неадекватен: оценивает меня оч-чень даже необъективно. Я для него – свет в окошке, это понятно. Эмм... Ну и понятно также, что у меня прекрасные родители, потрясающие перспективы и просто фантастическое будущее...»*

– Брось свой дурацкий диктофон и прекрати кормить кота со стола! У него диета, ему нельзя мидии!

«Это мама. Потрясающе хороший человек, но очень эмоциональна. Да и не мудрено: шутка ли, такой дом держать на своих хрупких плечах!»

Так... Угу... Угу...

А, вот: особенно отчетливо ощущаешь, что жизнь прекрасна, когда в праздничный день, солнечным утром, неспешно завтракаешь с семьей в зимнем саду. Повариха Матильда подсматривает с кухни, расплющила нос о дверное стекло. Три минуты назад спросила горничную Дусю, понравились ли маме кексы. Дуся не смогла дать вразумительного ответа, теперь Матильда переживает...»

– Матильда, не переживай! Кексы – фантастика! Хи-хи...

«Так, Матильда удрала. Графиня в страшном смятении бежит к пруду... Хи-хи... Эмм... А, да: Восьмое марта, весна, солнце. Вижу: по двору слоняются секьюрити, тот, что ближе к оранжерее, – Миша, он по мне тайно вздыхает. Хи-хи... Дурачок...»

– Кто вздыхает?!?!

«Это специально для папы: проверка реакции. Папа – брось. Неужели не понятно: слуги всегда тайно хотят дочь босса, даже если она корявая, хромая и горбатая. А уж если у нее все на месте и от нее не воняет протухшими памперсами... Гхм-кхм... Ну, в общем, понятно: это ведь азы психологии...»

– Ну-ну, я присмотрюсь. Если что, всю вздыхалку повыдираю, под самый корень!

«Папа, папа... Все хочет составить дочурке счастливую партию. Спит и видит, как бы удачно пристроить свое неразумное дитя за какого-нибудь принца...»

– Кстати, насчет партии. На сегодняшнем балу тебе надо быть обязательно...

«Ну вот, началось! Балы, ассамблеи, премьеры, бенефисы... Боже мой, какая жуткая скукота! Все каменно и чопорно, все друг друга ненавидят и картонно улыбаются, хотя каждый прекрасно понимает: это фикция. Зачем?! Неглупые ведь люди, неужели не жаль так бесславно тратить свое драгоценное время? Решительно не понимаю, зачем этим монстрам, динозаврам, рулящим страной, все эти маскарадные сборища...»

– ...Президент будет!

– И что с того? Президент не в моем вкусе. Мне больше нравятся полные курчавые брюнеты с большими влажными глазами.

– Пфф... Кто-то спросил про твои вкусы? Что ты можешь понимать в таком возрасте?!

«Эх, мама... Мама, видимо, надеется, что президент мгновенно мною пленится, загорится, восплает, бросит Первую Леди и женится на мне. Да, признаю: выглядит это весьма заманчиво. Вот это точно – хорошая партия...»

– Вот дуреха-то, прости господи... Ну ты только послушай, что ты несешь! Вот прокрути назад и послушай!

«Мама негодует. Раздувает ноздри, взор ее сверкает. Ма-

мочка, не надо, не стоит оно того...»

– Слушай, брось это свое идиотство! Я его сейчас об пол тресну!

– Мам, это не идиотство. Это я к курсовой готовлюсь. А диктофончик все-таки немало стоит. Не бог ведь какие – но все же денежки. Ты лучше скажи, хотела бы президента зятем? Как тебе такая перспектива?

– Боже, дай мне терпения...

– Окси, не ерничай, – вовремя вмешался глава семьи. – Мама упомянула про президента исключительно для того, чтобы подчеркнуть особый формат мероприятия. Особый статус. Там будут люди очень высокого полета.

– И что мне эти ваши люди?

– Ну как – что?! Надо пользоваться случаем. Ты у нас уже не ребенок, пора потихоньку устраивать свою будущую жизнь.

– Ага... Удачная партия?

– Ну, партия не партия... Но – осмотреться, показаться, оценить обстановку... Тебе в июне уже девятнадцать будет...

Оксана укоризненно покачала головой и вздохнула. «Осмотреться, показаться, устраивать жизнь...» Что за бред? Разве можно тратить время на всю эту нудистику, когда каждый твой день и без того до отказа насыщен жизненно важными и совершенно неотложными делами? Учиться, самообразовываться, набираться ума (это три совершенно разные вещи) для великих свершений, срочно переделывать

наш неправильный мир, который от этой своей неправильности в любой момент может рухнуть, и вообще существует до сих пор только ввиду какого-то чудовищного недоразумения...

– Ну что ж, глубокоуважаемые предки... У меня для вас две новости.

– Боже мой, доченька... Ты...

– Успокойся, мама, это совсем не то, что ты думаешь!

– Да, это не то, – с ходу выловил суть мудрый папа, спокойно подливая себе чаю. – Она просто не поедет с нами на бал.

– Да, не поеду. У меня мероприятие.

– Какое мероприятие? Что у тебя может быть за мероприятие, которое важнее этого? – удивилась мама.

– Поверь мне, мое мероприятие стократ важнее этого вашего бала. Я бы даже сказала так: вопрос жизни и смерти. Тебе лучше как:дохлая дочка на балу или живая-здоровая, но вне бала?

– Да что там за мероприятие такое?! – мама растерянно всплеснула руками. – Ты понимаешь, в какое положение ты нас ставишь?! Куда это ты собралась – на важное такое? Это кто такие вообще?

– Четыре вопроса. Акцентов приоритета не уловила – все равноправно и одинаково сумбурно. В какой последовательности отвечать?

– Ну ты уж совсем-то из меня дуру-то не делай! Думаешь,

если мать без высшего образования, так над ней и глумиться можно?!

– Мам, ну что за глупости? При чем тут образование?

– Куда ты собралась?!

– Лучшие по успеваемости студенты нашего курса собираются в «Поземке». С руководителем и всем деканатом в полном составе.

– Что-то я не поняла... Откуда у тебя такая любовь к сокурсникам? То они для тебя – «биомасса», то ты ради них готова вдрызг разругаться с родителями?

– Поясняю. «Биомасса» здесь ни при чем, если ты прослушала, уточняю: там будет наша профессура. И я буду делать научный доклад, как раз по этой теме, которую набалтываю на диктофон. Теперь понятно?

– Ну... Час от часу не легче... А чего это – Восьмого марта?

– А чем этот день лучше других?

– Так праздник же!

– Это у вас праздник. Такой ваш тупой совковый праздник, который придумали ваши тупые коммунисты для забытых, затурканных судьбой женщин. Триста шестьдесят четыре дня в году ты – скотина и быдло, а сегодня, так и быть, на тебе, почувствуй себя человеком.

– Ну что ты опять несешь!

– Правда всегда нелицеприятна, мама, это закон жизни! Посмотри на Европу, для нормальных людей 8 Марта –

обычный день, ничем таким особым не примечательный.

– Ну вот... Гхм-кхм... Даже и не знаю...

– Моя порода, – одобрительно крякнул папа. – Врет и не краснеет. Да еще как вдохновенно врет!

– Что значит «врет»? – тревожно вскинулась мама.

– Врет, врёт! Глумится над нами. У нее сегодня вечернее randevu с «Народным ополчением».

– Это кто?!

– Это – «что», Машенька, а не «кто».

– И что это?

– Шайка юных бездельников, мнящих себя спасителями мира.

– Антиглобалисты, что ли? Буйные, нет?

– Да ну что ты, Машенька, какие антиглобалисты... Ничего такого, о чем можно было бы беспокоиться. Я же сказал – бездельники. Пустое место...

– Сами вы пустое место! Что вы можете понимать в таких вещах?!

Оксана обиженно хлопнула ресницами и испепелила папу взглядом.

– Родители-то у них хоть приличные, нет? – озабоченно уточнила мама.

– Увы, ничем утешить не могу. Самый крутой папа там – завуч в общеобразовательной школе.

– Боже мой! Да как же... Кто допустил... Как с такими отбросами... Ты на какой свалке их откопала?!

– Сами вы свалка!

– Не выражайся!!!

– А по Интернету, по нему, родимому. До этого все – в чате да на форуме, потом – по телефону. А сегодня, стало быть, у них первая встреча. Знаешь песню: «Первая встреча – последняя встреча...»

– Тупая песня!

– «Утро туманное», старинный русский романс. Не оскорбляй классика...

– Я тебя туда не пускаю! – решительно подбоченилась мама. – Не для того я загибалась-горбатилась, дочь растила, чтобы она со всяким сбродом...

– А я тебя и не спрашиваю! Я совершеннолетняя! Дождетесь – соберу сейчас вещи и уйду от вас!!!

– Совсем sdурела?! Чего это на тебя нашло?!

– Спокойно, Маня, спокойно... На полтона ниже, пожалуйста... «Если у вас проблемы с родителями-ретроградами, мы дадим вам приют, обогреем и накормим...» Ага?

Оксана опять испепелила папу взглядом и растерянно прикусила губу. Черт, а не папа! Есть ли в мире информация, которой он не владеет?! Везет же некоторым: папы у них простые олигархи или тупоголовые губернаторы, которые и со своими делами разгрестись не успевают, не то что отслеживать какие-то левые телодвижения отпрысков...

– Папа – гад. – Папа ловко утянул из-под носа расстроенного чада диктофон и нажал запись. – Испортил, гад, всю

малину. А так было бы все славно... Вопрос: на что вообще рассчитывала?

– В смысле?

– Все табельные маршруты утверждены на неделю вперед, по любому изменению – немедленный доклад. Никого из этой шатии в те места, где ты бываешь, даже на пушечный выстрел не подпустят. Ну, допустим, в ту же «Поземку». Никак, начальника охраны охмурять собралась?

– Да больно надо! – Оксана забрала диктофон, отложила в сторону, подальше от папы, и, непримиримо выровняв спину, скрестила руки на груди. – И вообще, можешь не волноваться: никакой малины ты не испортил.

– То есть?

– Куда хочу, туда и пойду. И без всякой охраны. Они ведь мне руки вязать не будут?

– Не будут, радость моя. И ноги – тоже. Они к тебе пальцем не смеют прикоснуться, и ты прекрасно это знаешь.

– Господи, Оксанка, да что с тобой сегодня...

– Хватит, мама! Попили моей кровушки, и будет. Иду куда хочу – и все тут! Что вы мне сделаете – из дому выгоните? Да на здоровье! Уйду с большим удовольствием!

– А куда уйдешь, если не секрет? – деловито уточнил папа.

– Не ваше дело! Куда хочу, туда и уйду.

– Очень приятно, – папа поманил пальчиком притаившуюся в углу горничную Дусю. – Притащи из кабинета мобильник.

– Который?

– В коричневом чехле из крокодиловой кожи.

– Сию секунду...

– Значит, так, – папа, непримиримо выровняв спину (это, вообще, его манера – а дочка просто невольно подражает) и скрестив руки на груди, глянул исподлобья. – Идти тебе некуда. Все, с кем ты общаешься, в курсе, что почему и каким концом потом им достанется. Остается один вариант: вот это идиотское «Народное ополчение».

– Оно не идиотское...

– А я сказал – идиотское! Дебильное – тупоголовое – дегенеративное!! Пока ты с ними общалась по сети и телефону, я терпел. Можешь продолжать и далее в таком же духе, это не возбуждается.

– Вот спасибо!

– Пожалуйста. Но я не допущу, чтобы ты общалась с ними непосредственно, «вживую».

– Да ну! И что ты сделаешь?

– Я их уничтожу...

Тут как раз явилась горничная и притащила телефон.

– Погоди... Что ты имеешь в виду? В смысле – морально?

– А вот это понимай как хочешь, – папа дважды пикнул кнопками и задержал палец на «вводе». – Сейчас ты дашь мне слово, что никогда не будешь с ними встречаться. Ты ведь мой ребенок и слово держать умеешь.

– А если не дам?

– Тогда я дам.

– Что ты дашь?

– Команду. Прямо сейчас, при тебе. И до исхода сегодняшнего дня от этих ублюдков останутся одни воспоминания.

– Погоди-погоди... Ты чего так сразу – с места в карьер? – не на шутку разволновалась Оксана. – Давай поговорим об этом, обсудим...

– Не собираюсь я это обсуждать! У тебя есть двадцать секунд, чтобы принять решение.

– Нет, ты мне скажи: что значит – «уничтожу»? В каком плане – «уничтожу»?!

– Я сказал – понимай как хочешь. Все, засекаю время...

Так... Ну и что теперь делать? С ходу, не задумываясь, дать слово – потом ведь держать придется. Это значит, все грандиозные замыслы и прекрасные идеи отодвигаются на неопределенный срок. По телефону и сети – это, конечно, здорово... Но главное ведь – это личное общение! Чтобы понять, что стоит за безликими никами и стандартными телефонными голосами, надо смотреть людям в глаза, видеть их рефлексии, дать своей интуиции поработать на живом материале: правильные ли это люди, стоят ли они того или ну их к черту...

– Десять секунд...

А если дать и не держать? Нет, понятно, что всю жизнь держала, чего бы это ни стоило – воспитывали так, с самого

детства, всегда ставили личную надежность и внутриклановую честь во главу угла... Но ситуация-то какова?! Ведь это из ряда вон, никогда ранее ничего подобного не было!

Не держать – опасно. Во всех отношениях. Оступишься, словчишь раз, другой – все равно рано или поздно отследят и доложат. Вот ведь позор будет!

Но позор – это всего лишь ее личное дело, траченное реноме, моральные минусы...

А реальная опасность в том, что ее папа, без всяких скидок и условностей, может ВСЁ. Думаете, от нечего делать прицепилась: ...что значит – «уничтожу»? В каком плане – «уничтожу»? Да как бы не так! Если в двух словах, то речь в данном случае идет не о том, чтобы «разогнать и осложнить жизнь» (папа на такие мелочи просто не будет размениваться), а устроить неприятности в диапазоне от «сострять уголовное дело и надолго усадить в тюрьму» до убийственно простого «устранить физически». Все понятно, нет?

Ну и как теперь выкрутиться из ситуации?

– Время вышло. Решение?

– Слово.

– Конкретнее?

– Я не буду пытаться с ними встречаться. Достаточно?

– Так... Ага, понял. Думаешь, хитрее всех?

– А что тебе не нравится?

– То есть ты, конечно, пытаться не будешь... Но если вдруг тебя застукают с кем-нибудь из этой шатии, всегда

можно будет сослаться на форсмажор. Они подошли сами, заговорили со мной, а я даже без понятия – кто такие...

– Погоди...

– Не пойдет!

– Ну а что ты хочешь?

– Смени формулировку.

– Хорошо. – Оксана тяжело вздохнула и выдала требуемое: – Я не буду с ними встречаться. Ни при каких обстоятельствах.

– Слово?

– Слово.

– Ну вот и славно, – папа поманил пальчиком горничную и сдал опасный телефон. – Умница!

И принялся как ни в чем не бывало помешивать остывший чай. Хотя заметно было – украдкой облегченно вздохнул и слегка расслабился.

Хорошо, когда дочь – умница. Не надо лишний раз давать команду, чтобы кого-то несправедливо упекали за решетку или вовсе уничтожали физически. Зачем без надобности грех на душу брать?

Плохо, что умница чересчур впечатлительна и склонна к самокопаниям. Сидит сейчас с потухшим взором, бездумно смотрит в окно и тихо ненавидит всех подряд...

– Ты пойми, я ведь это не из вредности. Да я за тебя умереть готов, горе ты мое! Просто есть вещи, которые тебе в твоём возрасте пока что не понять...

– Прекрати, папа! Оставь это для своих тупоголовых ду-
боломов, ладно?

– Ну хорошо, хорошо...

– Так ты едешь с нами на бал, или как? – осторожно по-
интересовалась мама, совсем потерявшаяся в этой внезапно
налетевшей буре страстей.

– МА-МА!!!

– О боже... Да чего я такого сказала-то?!

– Не трогай ее, Маня, – мягко посоветовал мудрый папа. –
Какой, на фиг, бал? У нас траур, надо ждать, пока рассосется.

– Ну и что теперь, будешь в праздник дома сидеть?

– Маня...

– Чего – «Маня»? Сорок пять лет уже Маня! Съездила бы
хоть в «Поземку» эту вашу, развеялась...

– А что – хорошая идея, – в потухшем было взоре Окса-
ны появился какой-то нездоровый проблеск. – Поеду, разве-
юсь... Нажрусь там, как свинья, перебыю всю посуду, драку
устрою, опозорю вас на весь свет!

– Господи, да какая муха тебя сегодня укусила?! – У мамы
от огорчения даже губы затряслись – сейчас заплачет.

– Да на здоровье, – папа хладнокровно пожал плечами. –
Это ты себя опозоришь. Мы в твою «Поземку» не ходим,
мнения ее завсегдатаев нам глубоко безразличны, ты чело-
век взрослый, отвечаешь за себя сама...

– Ага! Насчет этого, значит – «взрослый»?

– Угу, взрослый. Так что – приятного вечера, радость

Интересно, почему эти дебилы всегда врубают музыку на полную мощность?

Децибел тут – чересчур. Как зайдешь, с непривычки на уши давит – жуть! Хочется тут же выскочить обратно. Светоэффектов тоже через край. В глазах рябит, двоится и троятся. Нужно долго привыкать, чтобы хоть как-то ориентироваться во всех этих сполохах, вспышках, заревах и протуберанцах. Пока отыщешь взглядом знакомые лица, глаза сломаешь: людей тут полно, они не просто сидят, а активно перемещаются, и от этого кажется, что их в два раза больше!

И вообще, всего тут много, и все тут почему-то очень бес толково.

«Поземка» – «элитный» ночной клуб. Тусуются тут дети первых людей страны и разные именитые знаменитости. Могли бы, наверное, как-то все организовать поприличнее, на более достойном уровне. Или, может, это некий отголосок «социальной справедливости»? В смысле, в стране бардак – и у элиты на вечеринках то же самое?!

Так, а вот и сокурсники – почти половина группы собралась, несколько столиков сдвинули вместе.

– Привет, биомасса!

– Привет, синий чулок.

– Кх-а-аа! Кх-то прише-ел!!! Кха-кхая чесь для нашш-шего болота!

– Окси! О-о-оуу! Оу-кси! Ну все!

– На рейв-парти у нас нынче тетка – первый класс! И во-ще, блин, воще – сегодня полный расколбас!!!

– О-о-оуу!!!

– Ксю-ха! Ксю-хха!! Ксю-кхы-кхы...

– Ага... Уже наширялись?

– Нет, тебя ждем.

– Совсем мозги кончились? Когда это я с вами ширялась, придурки?

– Да, ты у нас не такая. Но ты, не такая, только намекни – мы тебе...

– Ага, все бросила, помчалась намекать... Чего там у нас сегодня в меню?

– Да так – все как обычно...

С сокурсниками Оксана не церемонится. Смысла нет. Это она для них, оперируя понятиями папиного круга, – прекрасная партия. А они для нее – никто, мелочь пузатая. По табели о рангах даже в один разряд никто не попадает. Пример: «Поземка» охраняется как режимный объект, секьюрити тут высшей категории, контролируется каждый квадратный метр, хозяева отвечают за безопасность гостей в буквальном смысле головой. Первое правило режима: охрану посетителей в клуб не пускают. Плечистые хлопцы и накачанные девицы с резиновыми мышцами дисциплинирован-

но ожидают предписанные к хранению тела в дорогих машинах на утыканных камерами слежения парковках. Есть небольшое исключение: с охраной в клуб имеют право зайти ровно пять человек в мире. Билл Гейтс и Джордж Буш в этот список не входят, на первом месте там стоят дочери президента, а на четвертом – Оксана Зубова. Кроме того, ее охрана может потребовать пересадить посетителей из-за любого столика, если они затрудняют наблюдение за объектом с целью обеспечения его полной безопасности.

Вот вам разница в разрядах.

Но дело, в принципе, даже не в табели о рангах. Ребята из «Ополчения», по определению папы, – «пустое место», однако Оксана общается с ними с большим удовольствием. Потому что они умные, нестандартно мыслят, имеют твердые намерения сделать мир лучше, и хотя бы уже за это их можно уважать.

А за что уважать этих бездарных детей вельможных родителей, которые сами по себе, без пап и мам, ровным счетом ничего собой не представляют?

Вот Петя Иванов, сын министра, холеный ленивый красавец, неформальный лидер их группы и полнейший бездарь (уже год как капает слюной в сторону Оксаны, все какие-то там планы строит, дубина!). Вот выдержка из разговора Оксаны с Петей по существу вопроса:

– Петя, ты чего себе вообразил?

– Ну че, я те вообще, что ли, совсем не нравлюсь, ннэ?

– А ты еще чего-нибудь можешь, кроме как «зажигать, отрываться, тусоваться, оттягиваться»?

– Ну, ты понимаешь, Окси... Мммэ... Ну, мы сейчас, типа, молодые, надо все успеть...

– Нет, ты мне ответь конкретно-прямо: на что ты способен?

– Ну, я че-то не понял, вообще, че ты имеешь в виду... Я че, слабо упакован, ннэ?

– Петя, барахло, бабки и крутые тачки – это не твое. Это тебе папа дал. Этого добра у нас у всех – сынков и дочек – хватает. А вот конкретно тебя: в одних трусах, на лужайке, без всего, что тебе предки дали, – за что тебя, голого Петю, можно не то что бы любить, а хотя бы просто уважать как личность?

– Ну, Окси, ты че-то загнула...

– Если ни одной извинины нет, я тебе сама отвечу: не за что, Петя! Без своего большого папы ты – полный ноль. Ничтожество. До папиного уровня тебе не подняться – папиных мозгов нету, значит, будешь всю жизнь пользоваться его заслугами, паразитировать и впустую копить небо. Ну и на фиг ты мне нужен, такое недоразумение ходячее?!

Ну вот, примерно в таком ключе. Уважать не за что, скрывать свое отношение нет смысла. Да и приятно это – лениво хамить тупоголовым вельможным отпрыскам, заведомо зная, что проглотят, как миленькие: удачно и едко парировать – мозгов нет, а грубить никто не посмеет, потому что

можно тут же, «не отходя от кассы», огрести от охраны...

Сегодня Оксана вела себя примерно. Всем приятно улыбалась, сверх меры не хамила, общалась со знаменитостями и «звездами» (тут этого добра едва ли не больше, чем сынков и дочерей) и потихоньку налегала на французское шампанское. Не то чтобы исправилась или вдруг в одночасье поменяла мировоззрение... а просто был у Оксаны на этот вечер весьма определенный план.

План простой и бесхитростный: в общих чертах – нализаться в доску и устроить дикий скандал с битьем посуды и всех подряд противных рож, что подвернутся под руку; а также конкретная задача номер два: под шумок крепко отдубасить Петю Иванова.

Насчет Пети сомнений не было: он длинный, но дохлый, на физкультуру давно забил, злоупотребляет кокаином и регулярно глотает «экстази». А Оксана, напротив, давно и регулярно потеет в популярном среди «верхов» клубе айкидо, ничем не злоупотребляет и, вообще, имеет довольно крепенькую статью.

То есть Петю сделать – раз плюнуть. Пусть потом обтекает, сволочь: тоже мне, красавец, с девчонкой не мог справиться!

А приятно улыбалась всем и вела себя паинькой для того, чтобы усыпить бдительность окружающих и своей охраны. Внезапный удар будет особенно хорош, когда вся эта золотая биомасса нажрется, наглотается, обнюхается и начнет

благодарно гукать и пускать розовые сопли. Вот тогда я вам устрою, сволочи!

Откуда бы это у нее? Сама родом из того же инкубатора, от остальных прочих отличается лишь рангом папы, личным повышенным трудолюбием да чрезмерной вдумчивостью... Спроси сейчас кто – вряд ли даст внятный ответ. Просто, сколько себя помнит, презирала и терпеть не могла всю эту тупоголовую «золотую молодежь» и трущихся вокруг нее «звезд», алчных до подачек и дармового угощения. Считала почему-то, что на их месте должны быть другие, одаренные и талантливые, которые действительно заслужили право вести такой образ жизни...

В зале, где «зависала» Оксанина группа, нельзя было разговаривать по телефону: шум вокруг стоял – как на каком-нибудь металлургическом комбинате в самый разгар производственного цикла. Трижды Оксана выходила в просторное фойе поболтать: два по двадцать – для души, с «Ополчением», раз на полторы минуты – по делу, поругаться с мамой.

– Ты там с шампанским полегче! Третий фужер уже пьешь!

– Мама, я совершеннолетняя! Что хочу, то и пью! Сколько хочу, столько...

– Будешь продолжать в том же духе – все брошу, приеду и вставлю там всем вашим подавальщикам-барменам! Пусть тебе будет стыдно, что люди из-за тебя пострадали!

– МА-МА!!! О, боже... Да когда, в самом деле, вы уже прекратите мне нервы трепать...

И в таком духе – еще шестьдесят секунд. До красных пятен на щеках и до еле контролируемого желания с размаху шваркнуть телефон о паркет.

Обычное явление: охрана доложила о ходе культурного мероприятия. Предатели. В обе стороны работают. Неплохо было бы, если бы, допустим, какие-нибудь террористы напали да перестреляли всех к известной матери. Вокруг – трупы, а она – совсем одна. Свобода!

Оксана вернулась в зал, со злости осушила свой на две трети наполненный фужер, сделала официанту пальчиком – «повторить», нащупала взглядом примостившихся через два столика телохранителей и показала им нехороший американский жест. До большего опускаться не стала: бессмысленно. Работа у них такая. Вот помрут папа с мамой, будет она хозяйкой, тогда они будут ее слушаться и докладывать о каждом шаге ее чада. Если таковые чада вдруг образуются когда-нибудь...

Пока гуляла туда-сюда, многие однокашники, судя по поведению, нюхнули, да не по разу, а некоторые и вовсе приняли общеизвестной дряни с выраженными эффектами. Вели себя как заведенные кем-то механизмы с ограниченной программой: не по-человечьи бодренько отплясывали, дергаясь, как ужаленные в причинные места, жутко потея и поглощая лошадиные дозы напитков, непринужденно орали, излива-

ьясь потоками труднопонимаемого косноязычия (а полчаса назад многие двух слов связать не могли – только мычали да «чекали»), реготали неестественными голосами, причем ни с чего, на ровном месте – что называется, «с пальца перлись».

Ну за что их уважать, скажите? Такого рода мероприятия Оксана посещает редко, но каждый раз – одно и то же. Через полчаса после начала все нанюхаются-наглотаются, и обстановка начинает напоминать хлев.

Есть мнение, что великие художники и прочие незаурядные творческие личности принимали наркотики, чтобы раскрепоститься, полнее раскрыться, дать своей великой фантазии вольно воспарить над ограниченной плоскостью реальности. И якобы они в эти минуты были просто прекрасны, великолепно, неподражаемы и, вообще, богоподобны. Очень может быть, очень может быть... если есть чему раскрываться и парить.

А если там, внутри, пусто? И мало того, не просто пусто – вакуум, а пустота эта до отказа наполнена душевным мусором, всевозможным хламом и грязью?!

Вот и представьте себе, что будет, если это чудо-юдо папо-мамино вдруг сглотнет «колесико» да раскроется, раскрепостится в компании себе подобных.

Короче – быдло, оно и есть быдло...

Так... В общем, Оксана залпом осушила свой фужер, услужливый мальчик притащил другой, повертела его за ножку (фужер, а не мальчика), пытаясь стряхнуть негатив-

ные эмоции, оставшиеся от разговора с мамой... И вдруг поняла, что с ней происходит нечто странное и необъяснимое.

Кто-то прибавил звук – не музыки, а вообще всего вокруг: отчетливо слышно было, что орут танцующие и люди за столиками. А музыка неузнаваемо трансформировалась: мелодия потерялась, аранжировка пропала, остался один лишь ритм. Дум-дум-дум... И колошматил этот ритм, казалось, в самое сердце, как будто какой-то неугомонный работяга лупил по мембране молотком. Дум-дум-дум... Ноги непроизвольно дернулись несколько раз, как судорогой свело – хотели ноги танцевать, сами, без участия остального тела. Краски сделались резче и ярче, причем красный преобладал – как будто местный светотехник чего-то там нахимичил с фильмами.

– А-а-а, рожи!!!

Да, рожи... Рожи однокашников за сдвинутыми вместе столами как будто приблизились, стали крупнее, отчетливее, рельефнее... Даже в полумраке, в ослепляющих сполохах стробоскопа хорошо различимы веснушки на вспотевшем лбу сидящего рядом Пети Иванова. Глазки масляные, хитрые, смотрит как-то выжидающе, с прищуром, как кот на мышку... А так ничего себе рожи... Даже нет, скорее – лица. Рожи бывают у плохих людей, а тут все свои, родные... И вовсе они не противные, как обычно, что-то с ними сейчас случилось, этакое приятственное, изменились они в лучшую сторону... Улыбаются, смотрят приветливо, гыкают...

Да вообще – милые ребята!

– Гы-гы... – непроизвольно выдала Оксана, впадая в общий контекст. – Гы-гы-гоо...

– Ну, как самочувствие?

– Ой, су-у-уки... – шибануло вдруг откуда-то изнутри остатком здравого смысла. – «Экстази» в шампанское подмешали...

– Ну, подмешали, – честно признался Петя Иванов. – Гы-гы... ну а че те – плохо, что ли?

– Мне? Гм... Уфф... Не, неплохо.

– Ну вот, и тащись, как все приличные люди. Все намана?

– Намана... – Оксана облизнула пересохшие губы – слюны во рту вдруг не стало, язык прилипал к небу – и потянулась за фужером.

– Окси, ты брось это – на шампань не налегай, – предупредил опытный Петя. – Лучше колу пей. Алкоголь того – типа, того, усиливает...

– Да ну, какая фигня, – Оксана залпом опрокинула фужер и тут же отняла у Пети початую бутылку фанты. – Дай-ка...

– Ну че, пошли подергаемся?

– Па-а-ашли!!!

И пошли.

Танцевать, оказывается, это просто здорово. Оксана, танцевавшая редко и по жизни равнодушная к развлечениям подобного рода (пустая трата времени, в мире есть масса гораздо более интересных и полезных дел), почувствовала се-

бя вдруг как минимум королевой бала. И не важно, что при этом она всего лишь прыгала на месте, высоко подбрасывая колени и отчаянно мотая головой. Оксана была занята важным делом: пыталась руками поймать ритм, который стал подобен некоему материальному стержню, вонзавшемуся в нее под разными углами со всех сторон. Ритм ловко ускользал – Оксана чертыхалась и весело визжала от избытка чувств. Если бы в горле не сохло да нижнюю челюсть не сводило бы судорогой, – вообще все было бы здорово!

– Побольше пей, – Петя, исчезнув на минуту, вернулся с большой бутылкой колы, – и все будет наман. Ну как ты?

– На-ма-на!!!

– Ну и молоток. Поцелуемся?

– Только не взасос. А то в харю тресну. Ммм-ммм... Фу, соленый какой-то...

– Гы-гы-гы!!!

– Ты потише прыгай – людей задеваешь...

– Да че там люди! Смотри, как могу: ы-ыхх!!!

Оксана, ловко сгруппировавшись, сделала безукоризненное сальто назад. Как учили. Приземлилась, в общем, удачно, но одного товарища задела ногой да на завершающей стадии приземления крепко саданула второго товарища локотком. Неумышленно – тесно ведь. Публика восторженно заорала, захлопала.

– Только один раз – и только для вас! – Оксана изобразила книксен и манерно раскланялась.

Ушибленные товарищи попробовали было заявить о своих правах, но Петя быстро их поправил:

– Куда прете, скоты, не видите – кто?! Еще слово, и вас тут закопают!

Петя – душка! И вообще, все так классно, все так здорово!

– Шампанского! – завопила Оксана от избытка чувств. – Гарсон, ведро шампанского людям! Йю-ххууу!

– Ты потише ори, – озаботился Петя. – Вон, смотрят...

– И что?!!!

– Да нет, твои смотрят. Гляди, загоношились...

Точно, телохранители стоят, пялятся озабоченно, начальник охраны направляется в фойе, на ходу доставая телефон. Стучать побежал, сволочь!

– Ну е-мое! – не на шутку обиделась Оксана. – Я кто – швея-мотористка, что ли?! Мне теперь че – и поорать нельзя?!

– Да можно, все можно, – горячо поддержал ее преданный Петя. – Уж если тебе не поорать, то кому же? Но только не здесь.

– А где?

– Хочешь, свалим отсюда, тут рядом местечко есть – че хошь мона делать, хоть на голове ходить.

– Нереально. Охрана вон, глаз не спускают. Потом, тут у них камеры везде понатыканы...

– Я знаю, как можно выйти. Давай, двигай потихоньку наверх, на антресоли.

– И?

– Постой рядом с диджеем, я сейчас – быстренько все организирую.

– Хорошо, давай...

По дороге зацепила из бара две бутылки шампанского – все равно охрана уже доложила, хуже не будет, – пристроилась рядом с кучкой поклонниц диджея, оперлась о перила, чтобы не выпадать из поля зрения телохранителей, а то ведь наверх попрутся! Стояла так и дергалась в такт музыке, опасно постукивая бутылками о благородный мореный дуб перил, одно неверное движение – и внизу кто-нибудь получит травму...

Потом откуда-то возник сноровистый Петя – почему-то с мокрыми волосами, приволок из гардероба Оксанино соболье мантио (как пронес по лестнице – не понятно, то ли охрана по какой-то причине не отреагировала, то ли чертовски ловок, гад!), зашептал жарко на ухо:

– Давай, потихоньку, не торопясь, два шага назад... Так... А теперь – быстро!

И вприпрыжку помчались по верхнему коридору в дальний конец. А сзади что-то зашумело, заверещало: спохватившиеся телохранители протискивались на антресоли сквозь плотный строй облепивших перила девчат.

– Быстро, быстро...

Выскочили наружу: балкончик из металлического прута, пожарная лестница, под козырьком – аж целых три камеры

слежения, тревожно подмигивающие красными огоньками.

– Камеры же!

– Да и хрен на те камеры, – Петя, не поворачиваясь лицом к камерам, принял бутылки, завернул их в манто. – Давай. Удержишься?

– А то!

– Пошла, пошла...

Внизу уже ждали трое однокашников: две девчонки и Женья, друг Пети, – подпрыгивая и повизгивая от нетерпения и переполнявших их чувств, приняли Оксану на руки, тут сверху кулем рухнул Петя, накинул на плечи королеве бала манто, бутылки сунул к себе в карманы, и вся компания дружно припустила за угол.

Короче, удрали. Камеры, конечно, все это безобразие зафиксировали, но разбор полетов будет завтра, когда поймают. А сегодня – СВОБОДА!!! Держите меня трое и прячься в панике, родной город! Ух, теперь-то я вам тут устрою...

* * *

До того чудесного местечка, где, как обещал Петя, было все можно, добирались пешком.

– Тут три квартала, прогуляемся...

Впервые в жизни Оксана гуляла по ночному городу абсолютно без какой-либо охраны и вообще была предоставлена сама себе.

– Свобода! Сво-бо-да!!!

Дула шампань из горла, неумело свистела и вопила в полный голос – компания единодушно ее поддерживала, не слушая уговоров благоразумного Пети малость обождать и добраться все-таки до безопасного места.

Напоролись на одинокого прохожего – какой-то мучившийся бессонницей старичок вышел прогуляться, скакали вокруг него, как туземцы вокруг белого миссионера, орали, визжали, пытались угощать шампанским. Бедолагу чуть кондратий не хватил. Потом белугой ревели спартаковскую речевку (Женя научил – он фанатеет по футболу) и дружно послали в известные места какого-то паршивого интеллигента, вызывавшего из форточки к порядку.

– Тоже мне – спать ему хочется! Да мы те все окна переколотим, сволочь! Ты че, скотина, не в курсе, что страна гуляет?!

А время было как раз без пятнадцати час.

Интеллигентик оказался негодяем – вызвал милицию. А может, она сама вызвалась или просто ехала по маршруту, но, в общем, вскоре наши гуляки узрели мигалку «лунохода».

– Ничего, один звонок – и они тут все строем будут топтать. – Оксана полезла было за телефоном.

– Сдурела, что ли? – образумил ее многоопытный Петя. – Какой звонок – первым же делом предкам сдадут! Ходу!

Удирали от милиции по подтаявшим сугробам, как за-

правские хулиганы, прятались в каком-то проходном дворе, перебежками просочились через темную улочку, потом рвали во все лопатки через широченный яркий проспект, чуть под машину не угодили – машина жутко скрежетала тормозами, стукнулась в столб, там оказались какие-то кавказцы, хотели драться, но были они какие-то толстые и не догнали...

Ух! Вот это житуха!! Вот это приключения!!!

– Кул, кулл, кулл!!! – сипло верещала охрипшая от переполнявших ее эмоций Оксана. – Я вас всех люблю, мерзавцы!!! Вот она – свобода...

Да, верно, следовало все же слушаться опытных товарищей. Так получилось, что из всей компании никто, кроме Оксаны, шампанское не пил: ребята давно приноровились к популярным в их кругу «витаминкам», не раз испытали разные побочные состояния и выработали некую своеобразную этику: если «торчишь» – алкоголь по минимуму или вообще без него.

В общем, пока добрались до места, Оксана, мучимая не проходящей жаждой, высосала обе бутылки шампанского. Прибавьте – в клубе, до этого, выпила почти бутылку и суммируйте: для непьющего человека, даже без всяких «таблов», этого вполне достаточно, чтобы надежно стоять на ногах.

Так что, детали интерьера того чудесного местечка, куда они в конце концов попали, Оксана воспринимала как деко-

рации некоего футуристического спектакля, который, к тому же, показывали через крашеное стекло. И вообще, все вокруг так здорово ехало и плыло, что она с большим трудом представляла себе, что с ней происходит и где она находится...

Судя по всему, это был подвал, спортзал или какой-то спортивный клуб: несколько помещений, в одном – баскетбольные щиты, сетка по стенам, в другом – борцовский ковер, маты – почти новые и совсем непыльные, в третьем – ринг, груши, какое-то железо на стойках и кронштейнах, опять маты.

Да, люди тоже были. Людям было нескучно: играла музыка, кто-то дико хохотал, где-то что-то пели, бегали, топоча как слоны, надсадно визжали, и так далее. Развлекались, в общем. Туалет тоже был, и даже не загаженный. В общем, все сносно.

Петя... Петя – славный парень. Завел в небольшую комнату, где стояли тренажеры и стеллажи с гантелями, уложил на маты, пристроился рядом, мычал что-то на ухо, потом жарко дышал в затылок, надсадно сопел... Почему в затылок? У Оксаны джинсы тугие. Долго терзал джинсы (Оксана от хохота чуть не уписалась), едва сумел стянуть до колен, потом бросил это безнадежное дело, перевернул, уложил животом на маты, а сам взгромоздился сзади. Хи-хи...

Потом Петя переживал и душевно содрогался. Кровь увидел. Ну да, не надо делать круглые глаза, у Оксаны это бы-

ло первое грехопадение(!!!) – недаром однокашники дразнят «синим чулком». Петя, хоть и двинутый порядком, это дело оценил: долго пускал слюни, всхлипывал, обещал, что никому ее не отдаст, всех за нее убьет и готов, в принципе, если надо, умереть сам. Хи-хи! Ну и ладно...

Потом чего-то курили и глотали, после этого все вокруг надолго провалилось в вязкий сиреневый сумрак...

Когда к Оксане вновь вернулось более или менее отчетливое мироощущение, действительность была настолько нехороша, что хотелось как минимум опять нырнуть в тот сиреневый сумрак, а в идеале – быстро и безболезненно умереть.

Взгляд застилала густая красная пелена, мир перед глазами ритмично дергался, тонко подвывал, временами взрывая как тигр, и вонял каким-то приторно-сладким сиропом. Сердце бешено стучало, лупило со всего маху о грудную клетку, грозя в любой момент выскочить наружу. Пронзительно и остро болела голова, как будто в нее воткнули раскаленный штырь – каждый удар сердца штопором ввинчивался в виски.

Катастрофически не хватало воздуха. Оксана в буквальном смысле задыхалась, придавленная сверху какой-то непонятной тяжестью. Посмотрела вправо, влево, помотала головой, пытаясь добиться ясности панорамы...

Слева, уткнувшись лицом в мат, спал Петя без штанов. Вернее, штаны на нем присутствовали, но были спущены до колен. Пете было трудно в таком положении, он пускал пузы-

ри и надсадно храпел: в помещении было душно, топили тут, как в бане. Справа, лениво зевая и смоля какую-то длинную сигаретку, возлежал Петин друг Женя. И был он не просто без штанов, а совершенно голый.

И при ближайшем рассмотрении оказалось, что вовсе это не мир перед глазами дергается, а взгромоздившийся на Оксану какой-то совершенно незнакомый парень. Нет, скорее – мужик, глубоко за тридцать, толстый, курчавый и совершенно смуглый! Национальность – фиг разберешь, короче, представитель нерусского оккупационного корпуса. Без штанов, но в черной толстовке с товарищем Че на животе.

Нельзя сказать, что курчавый получал от этого дела особое удовольствие: глаза у него были стеклянные, подвывал он вполне ритмично, как бы на автопилоте, и вообще больше всего был в этот момент похож на робота некоего гнусно-целевого назначения.

– А-а-а-aaa!!!

Мгновенно миновав стадию недоумения и душевных мук, Оксана с ходу свалилась в боевой транс: с не женской силой оттолкнула курчавого, свела ноги вместе и, издав воинственный клич, мощно лягнула его в грудь!

Курчавый рухнул на пол, скрючился, как зародыш, и, суча голыми ногами, начал смешно разевать рот, пытаясь вдохнуть.

– Уп-пью, с-скот...

Оксана встала, пошатываясь и кренясь на бок (голова –

как будто чугунная, гудит, раскалывается, ровно держаться не желает), двинулась к курчавому. На ходу зацепила со стеллажа гантель полегче... А самая легкая была в пять кило, видимо, неслабые ребята тут тренировались.

– Нн-на!

Курчавый в последний момент дернулся – гантель, просвистев в паре миллиметров от его головы, долбанула в пол, вылушив длиннющую острую щепу.

– Ты че, совсем дура?!!! – удивился голый Женя.

– Нн-на!!!

Увы, вторая попытка тоже не удалась: курчавый справился со спазмом и бодро отполз, да тут еще сзади подскочил Женя, вцепился, начал руки крутить.

– Убью, гады!!! – истошно завопила Оксана, пытаясь развернуться и укусить Женю, – все айкидо почему-то вылетело из головы. – Я вас всех!!! УНИЧТОЖУ!!! А-а-а-аа!!!!

Тут проснулся Петя. За несколько секунд въехал в ситуацию (а ведь не совсем debil, соображает быстро), принялся помогать Жене. Подключился курчавый, втроем они минуты три боролись со своей беснующейся забавой, которая за это время впала в полноценный приступ берсеркской ярости. Оксана бешено рычала и билась головой об пол, изо рта у нее шла пена, а глаза так налились кровью, что, казалось, вот-вот лопнут. Из соседних помещений на шум явились люди: кому-то поломали кайф, кого-то просто разбудили. Люди тупо таращились на происходящее, а одна укуренная девица

с блуждающим взором начала орать, чтобы срочно вызывали «Скорую». А то, мол, может помереть.

– Да ты совсем е..., дура!!! – горестно взвыл Петя. – Ты знаешь, что с нами со всеми сделают, если ее в таком виде «Скорая» заберет?!!

– Держите, я сейчас... – Курчавый передал свой фронт работ (Оксанину правую ногу) инициативной девице и не совсем проснувшемуся лысому юнцу с физиономией задумчивого жирафа и куда-то убежал.

Вернулся он довольно быстро, уже в штанах, притащил пятикубовый шприц с каким-то раствором и жгут.

– Давай, навалитесь все разом, надо руку зафиксировать.

– Зачем?

– Надо ее в веняк двинуть.

– А чем? – озабоченно уточнил Петя.

– Чем-чем... Гердосом, естественно!

– Ты че, дурак?!

– Сам дурак! Она у вас «стимула» переела. А опиаты в данном случае – своего рода антагонисты.

– Чего переела?

– Ну, это уж вам виднее, чего вы там ей пихали – «колеса» или «марки».

– «Витаминки».

– Ну вот. По-любому – стимуляторы. А у герыча – обратный эффект.

– А хуже не будет? – засомневался Петя.

– Да куда уж хуже, – буркнул курчавый. – Вообще, метод проверенный. Когда я еще плохо жил, мои знакомые «винтовые» с «отходняка» только так и «снимались».

– Так она же не с «винта» едет!

– Разницы нет, там и там – стимулятор. Вообще, смотрите – дело ваше. Тут больница в двух кварталах, хотите – тащите. Если только она по дороге вас не загрызет или от разрыва сердца не кончится...

– Ар-rrr!!! – В этот момент Оксана, почуяв слабинку (инициативная девица с лысым юнцом, заслушавшись умных людей, утратили бдительность и ослабили хватку), высвободила ногу, лягнула юнца и, вывернувшись змеей из захвата, шустро и целенаправленно поползла к роковой гантели.

– Навались! – рывкнул курчавый.

Ну и навалились. Бросились всей кучей, поборолись маленько, припечатали к полу, зафиксировали левую руку. Курчавый быстро наложил жгут, с первой попытки вогнал иглу (кожа тонкая, борьба нешуточная, вена – вот она), безо всякой стерилизации, жгут – долой, «контроль», надавил поршень, вводя раствор...

– А че, спирта нет? – недовольно засопел Петя.

– Да ну брось ты, какой спирт... Ну вот, видите!

– Видим, – Петя растерянно хлопнул ресницами и уставился на Оксану, – не понял... Чего это, а?

Оксана, едва курчавый вытянул иглу, сразу обмякла и, синая лицом, безвольно уронила голову набок.

– Не понял... – Курчавый с недоумением осмотрел шприц, как будто в первый раз видел эту загадочную штуковину, отбросил его в сторону и, схватив Оксану за плечи, принялся изо всех сил ее трясти:

– Э... Э! Как звать?!

– Кого?!

– Да ее, б..., ее!

– Оксана.

– Промеж себя как зовете?!

– Окси.

– Ну так зовите!

– Зачем?!

– Ну, б..., идиоты! Не видите – передоз!!!

– Ты, сука, ты че!.. Ты же сказал... – страшно зашипел

Петя, хватая курчавого за грудки.

– Слушай, давай мы ее малехо откачаем, потом будем разборки лепить! – с холодным бешенством процедил курчавый, отшвыривая Петю в сторону и вновь принимаясь трясти Оксану. – Чего вылупились?! Зовите, б..., зовите – хором!!!

– Окси... Окси!

– Громче, б... орите, на...! Прямо в уши!

– Ок-си!!! Ок-си!!! ОК-СИ...

Если бы кто-нибудь в этот миг зашел в помещение, то наверняка бы подумал, что тут какие-то молокососы-забавники проводят спортивные соревнования.

– Ок-си!!! Ок-си!!!

Окси соревноваться ни с кем не хотела. Лежала, синяя, на полу, дергаясь, подобно тряпичной кукле, от реанимационных процедур, и упрямо не желала открывать глаза.

– Ок-си! Ок-си!!!

Курчавый трудился со скоростью и сноровкой заправского санитаря: яростно тер ей уши, что есть силы лупил по щекам, тряс за плечи, стучая головой об пол... Во взглядах окружающей публики, сорвавшей голоса от крика, застыло тупое отчаяние, приправленное слабенькой надеждой, – смотрели на курчавого, как на волхва, вроде бы утратившего связь с богами: в принципе, чудо явить может, но особо рассчитывать на это не стоит...

– Ок-си! Ок-сиии...

– Да ну вас в ж..., придурки! – не выдержала наконец инициативная девица. – Все, звоню в «Скорую»!

– Погоди, погоди – секунду... – курчавый, разуверившись в действенности обычной интенсивной терапии, затравленно посмотрел по сторонам – ну да, смотри не смотри, помощи ждать неоткуда, затем склонился над Оксаной и... что есть силы вцепился зубами ей в ухо.

– «Хрусть!» – нежно выдал насквозь прокушенный хрящик.

– Вы ч-че-е так-хия нут-ные? – еле слышно прошептала Оксана, скривив лицо в гримасе жуткого разочарования. – Вы п-плин, так-хой кайффф оп-пламали...

– А-а-а!!! – восторженно завопила публика. – Получи-

лось! Получилось!!!

– Да куда ты, на хер, денешься, – устало буркнул курчавый, промакивая портретом товарища Че обильно вспотевший лоб. – И не таких откачивал, блин...

И тотчас поставил задачу инициативной девице с юнцом.

– Натягивайте на нее штаны, подымайте, водите.

– В каком плане – «водите»?

– Берите ее и таскайте по коридору! – раздражился курчавый – вот же дилетанты, ни фига не знают! – Говорите с ней, трясите, бейте по щекам – короче, уснуть не давайте. Глаза должны быть постоянно открыты. Чего встали – шевелитесь!

– Давай, я этим займусь. – Петя взял джинсы Оксаны и принялся ее одевать.

– Пш-шел вон! – Оксана вяло отбрыкивалась. – Дай-те посс-спать, уроды!

– Я кому сказал этим заниматься?! – рывкнул курчавый, отпихивая Петю. – А вы с Жекой бегом одевайтесь.

– Зачем?

– Потащите ее в больницу.

– Чего это...

– Да тут рядом, два квартала.

– Не, зачем вообще в больницу? Вроде бы – все...

– Ни хрена не все! Надо срочно в больницу. Чего вылупились – одевайтесь, я сказал!

– А почему пешком? У тебя там тачка стоит, давай...

– Не хватало мне еще там свою тачку светить... – буркнул

курчавый. – Я сказал – пешком! Ее надо прогулять по свежему воздуху – полегчает маленько.

– А ты че, с нами не пойдешь?

– Нет.

– Между прочим, это ты ее ширнул, – напомнил молчаливый Женя. – Из-за тебя передоз получился.

– Ага, а вы ее колесами перекормили – чуть лыжи не сдвинула! Небось первый раз, а?

– Ну, понимаешь...

– Понимаю. Колесо в клубе, наверх – литр шампани, колесо – здесь... Не слишком ли круто для первого раза?! Я вообще удивляюсь, как она у вас сразу не сдохла!

– Ну, понимаешь...

– Понимаю. Не поставь я ей гердоса, загнулась бы от сердечного приступа или от инсульта. Так что вы мне по гроб жизни должны, это даже без базара!

– Ну, в общем...

– Короче: шевелитесь, доходяги! Сдать с рук на руки дежурной – это обязательно, понятно?

– Да понятно, че там...

– Нет, ты запомни: ни в коем случае не бросать под дверь, именно с рук на руки! Представляться не обязательно: сдадите – и бегите оттуда. Все молча. Ясно?

– Ясно.

– Ну все, одевайтесь и дуйте... Эй там, че вы ее гладите? Заснет – опять реанимировать придется! Я сказал – бить и

трясти, б...!!!

Спустя несколько минут Петя с Женей уже тащили Оксану к сто двадцать четвертой городской больнице, что располагалась в двух кварталах от «уютного местечка».

Шевелить ногами вредная королева бала категорически не желала, то и дело роняла голову на грудь и норовила отключиться. Приходилось ежеминутно останавливаться и производить предписанные опытным курчавым процедуры: трясти, шлепать по опухшим от ударов щекам и шипеть в ухо всякие гадости, провоцируя вялое возмущение.

Слава богу, на улице было пусто: близилось утро, столица, отплясав свое и выпив праздничную норму, постепенно отходила ко сну, лишь редкие такси везли домой подгулявших граждан.

Когда до ярко освещенного парадного больницы оставалось метров сто, осведомленный Женя (он тут вырос, это его родной район) начал притормаживать.

– Ну ты че, я не понял?! – возмутился взмыленный Петя. – Не тормози, чуть-чуть осталось!

– Там это... – Женя замялся. – Ну, короче, там охрана. В вестибюле мент сидит. Или даже два...

– И что?

– Ну так это... Они же там постоянно, опытные. Сразу поймут, что Окси под кайфом.

– Так... – задумался Петя.

– Ну и чего будем говорить?

– Так... Нет, с ментами нам говорить не о чем, это понятно... А точно там менты? Ты когда там был в последний раз?

– Ну... ЭГМ-КХМ...

В настоящий момент Женя, как и Петя, состоял на учете в ЦКБ, а местную больницу в последний раз посещал, когда ему было лет семь.

– Ну, короче, мой кореш тут недавно был. Они одного приятеля привезли с травмой, на рэйсинге влетел, хотели сдать по-тихому, а там менты сидели. Пришлось, короче, отмазываться...

Петя затравленно глянул в сторону парадного и судорожно вздохнул. Да, вот это новость... одно дело – сестра, фельдшер, врач там, на худой конец... И совсем другое – милиция. Общаться с милицией сейчас нельзя ни в коем случае, это даже не вопрос...

– Вот же влипли... Ну и как нам теперь сдать это сокровище?

– Ну, вариант один: подтащим к самым дверям, поставим – и ходу!

– Двери стеклянные, по бокам витрина, свет... Короче – увидят. Побежим, так сдуру могут и пальнуть.

– Ну, тогда давай дадим им на лапу. Какие проблемы?

– А если не возьмут?

– Да ну, на фиг! Менты – и не возьмут?!

– Да не в том дело, что не возьмут совсем, – могут просто прикопаться, чтобы подороже содрать. Начнут крутить, до-

кументы потребуют...

– Ну и какие проблемы? Покажешь им студенческий, скажешь, кто ты – они тут же и обхезаются от страха...

– Совсем идиот?! Сразу же бате доложат! А за такие фокусы он меня собственноручно пристрелит, даже не станет ждать, как отреагирует ее пахан...

– Ну, короче, в любом случае остается одно: очень быстро бежать.

– В смысле?

– Подведем ее вдоль стены к самому крыльцу. Сбоку, прижмемся к стене, не видно будет. На первую ступеньку поставим – и ходу.

– Да она самостоятельно и двух шагов не сделает, – покачал головой Петя. – Как поставишь, так и обрубится!

– Надо ее мобилизовать.

– Куда?!

– Не куда, а на сколько. На минуту хотя бы. Ну, чтобы смогла до дверей дотопать.

– Пффф! И как ты ее мобилизуешь?

– Ну, не знаю... наверное, напугать надо.

– Да ей сейчас все по барабану, хоть убивай!

– Маму боится?

– Не знаю. По-моему, она вообще ничего не боится. Упертая и наглая, как танк.

– Насчет мамы... Гхм... Думаю, все же стоит попробовать. Чтоб взяла себя в руки. У нее же железная самодисциплина.

Одно слово – «синий чулок».

– Ну, давай...

Петя без особой надежды встряхнул Оксану и вполголоса рявкнул ей в ухо:

– Мама, Окси! Ма-ма! Ну?

– Мам-мма... – Оксана, медленно подняв голову, с трудом разлепила веки. – Где?

– Мама смотрит! – обрадованно зашепшил Петя. – Мама! Смотрит!

– Гы-де?

– А ты пьяная! А она смотрит!

– Я пффьяная?!

– Да, да! Хуже того, ты под кайфом! Она сейчас подойдет и увидит!

– Даффай уй-тем, – вполне отчетливо выразила желание Оксана, самостоятельно делая два неверных шага вперед. – Даффай... уй... демм...

– О! – обрадовались приятели. – Работает! Поехали...

Подтащили свой драгоценный груз вдоль стены здания к самому крыльцу (пока перемещались, груз успел обрубиться до полной отключки), кое-как привели в чувство, утвердили на нижней ступеньке и принялись наперебой дуть в уши про маму, которая смотрит.

– Надо дойти до двери, открыть и зайти внутрь, – горячо шептал Петя. – И все! Тогда мама тебя не увидит!

– Нне уффидит...

– Да, да, не увидит! Только иди ровно, не спотыкайся. А то поймет, что ты под кайфом. Ты можешь идти ровно?

– Пффф... Я могу... Ровно...

– Ну вот и молодец. Дойдешь до двери, откроешь, войдешь внутрь – и все! Мама не увидит!

– Да... Все, пошла...

Оксана сделала два неверных шага, титаническим усилием воли выровняла чугунно-тяжелую голову, норовившую свалиться на грудь, и тихо потопала по ступенькам к дверям.

Ближе... Ближе... Вот они, двери! Ручка... На себя... Уфф, ну и тяжелые же, блин... Оп! Все, мы на месте...

– Есть!!! – Петя от радости так треснул приятеля промеж лопаток, что у того перехватило дыхание. – А теперь – ходу!

И две длинные тени шарахнулись от крыльца в темноту...

Оксана шагнула в вестибюль, с облегчением прошептала:

– Все. Не видно...

И несколько секунд стояла, покачиваясь и тупо глядя на огромный плакат прямо напротив, на стене:

«РЕМОНТ. ВХОД СО СТОРОНЫ АМБУЛАТОРНОГО ПРОЕЗДА».

Краска на стене была ободрана, рядом стояли заляпаные белилами козлы, какие-то ведра, бачки... Справа от плаката располагались двустворчатые стеклянные двери, загроможденные козлами и занавешенные с другой стороны больничными простынями...

– Не видно...

Оксана, опершись спиной о стену, сползла на пол. Счастливо улыбнувшись, свернулась калачиком и с огромным облегчением сомкнула веки.

Как хорошо... Тихо... Никто не бьет по щекам и не орет тебе в ухо... Здравствуй, бархатная тьма, возьми меня – я твоя...

Да, ребята, вот такая получилась фигня.

Столица устраивалась отдыхать после бурного празднования дня весны, многие респектабельные граждане уже видели третий сон, кто-то на прощание целовал возлюбленную, кто-то лихорадочно искал недостающий утренний букет...

А в небеленом вестибюле сто двадцать четвертой городской больницы умирала дочь одного из самых могущественных людей Российской империи. Умница-красавица, непьющая и некурящая, светлая и чистая...

Умирала, как последняя подзаборная шлюха, от вульгарного героинового передоза.

А-у, империя, ты где? Жуткая темень вокруг, и как-то странно воняет...

Глава 1

Сергей Кочергин

Всем привет. Представляюсь по случаю попадания в зону вашего внимания. В рифму? Совершенно случайно, без злого умысла, жизнерадостный идиот тут ни при чем. Просто молодость в жилах звенит, бьет копытом, как жеребец стоялый.

Зовут меня Сергей Кочергин, 23 года, старший лейтенант ГРУ, временно прикомандирован к ЭАБ при НИИ СПР ССНГ под патронажем СПП РФ по ЦФО. Так, наверное, надо расшифровать: Экспертно-аналитическое бюро при Научно-исследовательском институте стратегических проблем развития стран СНГ, где ректором является спецпредставитель президента России по Центральному федеральному округу.

Неплохо звучит, правда? Рассказывать, что есть на самом деле вся эта байда и каков наш генеральный план, сейчас недосуг. Возможно, как-нибудь позже мы к этому вернемся. Если вы уже знакомы с Командой № 9, прошу любить и жаловать, это опять мы, только в несколько иной ипостаси. Как говорит наш суровый френд Петрушин, «те же яйца, только в профиль!»

Да, еще: если вы знакомы с К-9, вы, наверное, будете сей-

час смеяться. Или плевать – это уже зависит исключительно от вашего индивидуального мировосприятия.

Итак, 2005 год, первое августа, 8.50 по московскому времени, Москва, Юго-Западный административный округ, мы сидим в засаде. Хе-хе...

Если еще не смешно, слушайте дальше. Мы тут не все сидим: я, Петрушин и Ростовский уже не первый час кряду лежим, и не брюхом кверху, на солнышке, а в скрадках. Сие простое приспособление делается так: аккуратно снимается дерн – по возможности без порывов, одним пластом, – затем точно по контуру вынимается полкуба землицы. В получившийся окоп укладывается подкладка, на нее – человек, сверху, в качестве распорок, – крепкие ветки, на ветки – дерн. Земля тщательно рассеивается по округе – это обычно, а в нашем случае просто сваливается на плотный целлофан и оттаскивается как можно дальше от укрытия. Потом привлекается лучший в мире разведчик, отдельно взятый Вася Крюков с инфракрасным ночным зрением (шутка!.. Или не шутка? Черт его знает, короче, этот вредный мелкий тип ночью видит!), поправляет сверху все это дело, придиричиво оценивает со стороны и определяет, как оно будет смотреться в светлое время суток. Да, скрадки мы делали ночью, думаю, это понятно.

Легли мы в четыре утра, сейчас... так... сейчас уже 8.52. Если кто на себе не испытывал, поверьте на слово: даже для специально подготовленного и обученного человека подоб-

ное времяпровождение – серьезное испытание на прочность. Жарко, как в бане, плаваешь в собственном поту, воздуха не хватает, в кроссовках ползает какой-то шершавый букаш, а ликвидировать его нельзя – рука не дотягивается, конфигурация окопа не позволяет привстать или изогнуться!

Так... Если еще не смеялись, самое время. Все эти мытарства – исключительно ради пятиминутной видеозарисовки о таджико-азербайджанской дружбе. «Мочить», ловить и крутить никого не собираемся, задача: заснять в нескольких ракурсах встречу и записать беседу посредством узконаправленного микрофона. Вот и все.

Ну и напоследок: у нас нет оружия. Хе-хе... Мы уже четвертый месяц занимаемся сугубо исследовательской деятельностью, которая предполагает отсутствие вооруженного вмешательства в изучаемый процесс. Не надо нам оружия, вот что. Поэтому и не выдают. Разве что у Петрушина с Васей их боевые ножи (хлопцы до сих пор не понимают, как нормальный человек может обходиться совсем без оружия, для них это нонсенс). Но, сами понимаете, в серьезной схватке на дистанции свыше трех метров ножи – это не оружие...

– Второй – шестому, – едва слышно прошелестел в гарнитуре Лизин голос (громкость на минимуме, как положено).

– Слушаю, – отозвался Петрушин.

– Вижу объект. Свернул к вам.

– Понял, спасибо. Внимание – всем! Режим радиомолчания. Связь только в экстренном случае...

Ну вот, слава богу, ситуация стронулась с места. Десять-пятнадцать минут – и поедем домой принимать холодный душ и дуть ледяное пиво. Вообще, надо вам сказать, эта научно-исследовательская работа – до того нудное и неинтересное дело, что порой душа наполняется самой черной меланхолией, а стосковавшиеся по оружейному металлу руки так и тянутся к пулемету на монохромной литографии «Тачанка»...

Чтобы понятно было, где мы и как, рассказываю диспозицию.

Залегли в засаду мы чуток восточнее Ясенево. Справа-сзади, в трехстах метрах, грохочет МКАД, прямо в тридцати пяти метрах – плотоядно вгрызшийся в лесопарк строительный участок, обнесенный сплошным забором из рифленой нержавейки. Ну, не совсем сплошным: один пролет, аккурат напротив нас, слегка сдвинут в сторону и осквернен наскальной живописью – небольшим желтым скорпионом в неровном круге.

Через образовавшийся проем, судя по тропинке, иногда путешествуют люди. Люди-таджики, которые строят дом под руководством турецких мастеров для условно-русских обеспеченных товарищей. Будет кому-то элитное жилье в Битцевском лесопарке – вон, два этажа уже готовы. В общем, таджики строят дом и живут, как водится, тут же, в нескольких дрянных вагончиках, ободранные крыши которых возвышаются над металлическим забором.

Вдоль забора — чисто символическая полоса отчуждения, метров пять-шесть, густо поросшая репейником и лопухами, сразу за полосой, по всему периметру, — редкий молодой ельник, тянувшийся сплошным массивом до МКАД. От секретного проема в заборе, как я уже говорил, по полосе отчуждения протоптана тропинка: люди путешествуют не праздно, а по делу, в магазин, что в километре отсюда, на МКАД.

В общем, неплохо. Дом построят, по полосе проложат аллею с фонариками, будут гулять по ней упитанные жильцы с питбулями, любоваться елочками, и никто из них даже не заподозрит, что тут рядышком закопаны трупы...

Так, к трупикам позже (если они вообще образуются). Гхм...

Располагаемся мы следующим образом: я и Петрушин с разном в две сажени, в тридцати метрах от проема, под углом пятьдесят два градуса к забору. Такая дистанция для комфортной видеосъемки не совсем безопасна, но других вариантов нет: это единственное место, где директриса наименее забита деревьями и кустами. Проще говоря, в кадр попадают не только ветки и листва, но и небольшой пяточок у проема.

Ростовский отдыхает в таком же скрадке, но значительно левее, метрах в двадцати от проема (это если идти по полосе со стороны магазина), под углом 20 градусов к забору. Не хотелось, конечно, его там размещать, это довольно рискованно, но выбора не было. Это запасная позиция на тот слу-

чай, если вдруг приехавшие со стороны МКАД машины перекроют нам с Петрушиным сектора. А то, представляете, как обидно будет, столько тут потели и страдали – и все для того, чтобы заснять левые борта пары джипов!

Каждый из нас троих выступает в роли видеооператора, с задачей вести самостоятельную съемку намечающейся встречи. Вася Крюков – контроль. Прячется в кустах метров в десяти за лежкой Ростовского, ничего не снимает, за всем смотрит. Вася у нас самый примечательный товарищ – примечает то, на что другие просто не обращают внимания. Короче, Зоркий Глаз.

Вероятность того, что подопытные заметят наблюдение, весьма незначительна, но она присутствует. А мы не авантюристы, привыкшие полагаться на авось и слепую удачу – мы тут работаем. Поэтому учитываем все возможные варианты развития событий. Последовательность действий и маршруты эвакуации отработаны. Если Вася почует что-то нехорошее и подаст сигнал, мы с Петрушиным, не вступая в боестолкновение, шумно стартуем первыми (таким образом отвлекаем на себя всю вражью активность) и ломимся во все лопатки к трассе. Спустя несколько секунд после нашего старта Вася аккуратно эвакуирует разлегшегося в опасной близости Ростовского. Как видите, все просто и без изысков.

Боестолкновение тут категорически противопоказано: оружия нет, а публика нам противостоит вполне серьезная – люди Андижо (все – бадахшанские, как и сам босс) имеют

боевой опыт. Эти не пожалеют.

И последний элемент боевого расчета: группа прикрытия, она же – сторожевое охранение. На МКАД, в ста пятидесяти метрах по обеим сторонам от поворота на стройку, сидят в одинаковых серых «девятках» Лиза и Костя и следят за дорожной обстановкой. Общая экипировка: три камеры, микрофон с приемником и радиостанции с беспроводной гарнитурой. Оружие – увы, но вы уже в курсе...

– Напоминаю – тишина в эфире! – грозно прошипел Петрушин в моем наушнике.

По полосе отчуждения со стороны МКАД медленно и вальяжно прикатил черный внедорожник «Мерседес». Встал, не доехав до проема метров десять.

Спасибо, дорогой, это здорово облегчает нашу задачу. Камера, мотор... Выходить будем? Неплохо бы погулять в кадре, показаться в разных ракурсах...

Гхм... Выходить будем, но не все сразу.

Из «Мерседеса» вылезли двое дюжих чернявых хлопцев. Один стал внимательно осматриваться, другой прямым ходом потопал к проему. Из проема тотчас же материализовались две тщедушные фигурки: застыли на месте в сторожевой стойке суслика, уставились с подозрением на большого мужика, чуть что не так – юркнут обратно. Подвид – таджикос-натуралес, категория – недокормленный дехканин-хлопкороб.

Большой парень показал руки – пусто, хлопцы, расслабь-

тес; перекинулся с дехканами парой фраз. Узконаправленный микрофон наизготовку, слушаем:

– Мы от Сохроба (слышно не очень хорошо: помехи – на стройке экскаваторы злобно урчат, краны гудят, как голодные носороги)...

– Харашо, харашо! Что сказаь? Сохроб какой слово назваь?

– Желтый скорпион.

– Правилна, харашо! Хазяин твой как зват?

– Анвар.

– Харашо, правилна. Гыдэ он?

– В машине.

– Зачем не выходит?

– Не хочет.

– Зачем?

– Да я откуда знаю, э! Большой человек, да! Что хочет, то и делает.

– Ну ладно. Жды зыдэс...

Один дехканин юркнул в проем, второй остался подпи-
рать забор.

Через минуту дехканин вернулся, да не один, а с неким смуглым упитанным товарищем. Тоже, видимо, таджик, но из другой категории – у которой особых проблем с питанием нет.

Упитанный, игнорируя больших парней, сразу направился к «Мерседесу» и выпал из зоны визуального контроля. Мяг-

ко хлопнула дверь, внедорожник едва заметно качнулся, и – тишина. Окна задраены, микрофон бесполезен, записывать нечего. Разве что гудение кранов и рокот экскаваторов.

Да, товарищ Анвар... То ли ты такой весь из себя продуманный, то ли просто ленивый после сытного завтрака... Но вот именно этот участок работы ты нам запорол наглухо. Лето, природа, птички-елочки, замечательные люди в кустиках – мог бы выйти да подышать воздухом!

Ладно, пока они там «трут» промеж себя, скажу пару слов о нашем объекте и его сиюминутных интересах.

Анвар Расул-Заде, 1970 г. р., уроженец города Нахичевань. Малоаметный представитель азербайджанской диаспоры Москвы. Малоаметный – потому что неглупый. В глаза не бросается, пальцы без надобности не гнет, не жжет сто-долларовые купюры в кабаках (есть среди них такие типчи-ки), ведет себя вполне скромно. Вместе с тем в свои трид-цать пять лет наш хлопец занимает довольно солидное место в клановой иерархии. Держит приличный кусок наркотор-ского пирога, решает вопросы с большими людьми, вхож во многие влиятельные «семьи».

За Анваром мы наблюдаем не индивидуально-целена-правленно, а в общем порядке, интересуется он нас ровно так же, как и другие прочие злыдни, системно пасущиеся на героиновых плантациях. А вот эта острая любовь: засада, скрадки, камеры с трех ракурсов и все такое прочее – это обусловлено его индивидуальными «профессиональными»

особенностями...

Справка по теме.

Не все граждане нашей страны одинаково хорошо владеют ситуацией по наркобизнесу в России, поэтому есть смысл пояснить некоторые моменты, хотя бы приблизительно, «на пальцах».

Понятно, что по всему рынку ситуация колеблется и постоянно меняется (в последнее время, например, кое-где здорово «приподнялись» узбеки), но на исследуемом нами участке все более или менее стабильно. Если вкратце, то выглядит это так: таджики везут, азербайджанцы продают. Развиваем тему: у таджиков – непосредственный контакт с производством и отлаженный канал транспортировки, у азербайджанцев – хорошо организованная и эффективная дилерская сеть. Между таджиками и азербайджанцами джентльменское соглашение, они друг другу не конкуренты, каждый спокойно работает в своей сфере. Конфликтуют крайне редко, и то в основном по мелким «производственным» вопросам.

Не надо мешать в кучу всех подряд таджиков: гастарбайтеров-рабов – дворников и строителей, и организованную структуру, условно именуемую в дальнейшем как наркомафия. Не надо и категорически разделять. Надо просто понимать разницу между таджикским товарищем на джипе, с галстуком за двести евро, и работагой, вкалывающим

шестнадцать часов в сутки за сто баксов. Это, как говорит Вася Крюков, «ноги-руки и рот»: организм один, функции разные.

Короче говоря, по степени участия в наркообороте внутри нашей многострадальной страны таджиков можно четко разделить на мафию (организованная структура, большой бизнес) и дилетантов – неорганизованных товарищей из нижних слоев, пробующих обогатиться на свой страх и риск. В процентном соотношении даже и сравнивать не стоит: практически весь массив смертоносного импорта держит в своих цепких ручищах мафия, а на долю дилетантов приходятся лишь жалкие крохи.

Кстати, именно вот эти крохи нам и показывают по TV, победно вопя об очередном успехе ФСКН. Четыреста граммов героина изощренный и коварный наркокурьер в попе вез! Поймали, поймали! Всем немедленно крутить дыры для орден-ов и пить шампанское!

Вернемся к Анвару-деловару.

В своей «семье» он отвечает за конкретный участок работы с почти автономным технологическим циклом. Выглядит все это следующим образом: Анвар покупает у Андижо (контрагент Анвара, в таджикском землячестве имеет примерно такой же статус) энное количество героина и в течение определенного времени сдает его мелкими партиями своим дилерам. Дилеры уже крутят товар как хотят, но деньги за

него отдают сразу. Это касается постоянных клиентов. Те, кто пребывает в стадии прикармливания, могут получить кредит: на тебе пятнадцать грамм чудесного порошка, рассчитаешься, когда продашь. Не рассчитаешься – потеряешь в сто раз больше: здоровье, квартиру и так далее.

В общем, дилеры торгуют как умеют, а Анвар периодически решает их мелкие проблемы с властями, ведет анализ состояния рынка, потребности и возможности и заказывает Андижо очередную партию. То есть все как на обычном рынке, фруктовом-овощном и цветочном...

Примечание по теме.

Азербайджанцы по природе своей все поголовно коммерсанты, это у них на геномном уровне. Поэтому не стоит удивляться тому, что они «держат» практически всю российскую торговлю. Овощи, фрукты, наркотики – особой разницы нет, лишь бы выгода была. Будет выгодно, будут «толкать» ядерное оружие.

Видят они себя в нашей перспективе примерно так: русский Ванька-дурак беспробудно лакает дешевое низкопробное пойло (надо комментировать, кто получает выгоду от реализации этой отравы?!), ему плевать на глобальные проблемы, дай прожиточный минимум, хлеба и зрелищ – и делай, что хочешь. Жирный чиновник исправно получает «на лапу» и всячески потворствует иноземной экспансии на российский рынок, высокое начальство правоохранительных

органов вдумчиво изучает планировку нового особняка на Рублевке и поощрительно кивает, а Мамед тихо радуется и продолжает расширять бизнес. Широко шагает Азербайджан!

Это же как надо не уважать свой народ, чтобы отдать один из самых прибыльных видов рыночной деятельности иноземцам?! Без боя, без принуждения, просто – за деньги... По большому счету, если разобраться, это тянет как минимум на измену Родине и угрозу национальной безопасности!

Только не надо думать, что я в чем-то обвиняю азербайджанцев. Да, было дело, сначала я по юношеской эмоциональности ненавидел всеми фибрами души и их, и чеченов, и вообще всех хитрожопых иноземцев, что вольготно живут на Руси за счет «титульной» нации...

А потом вдруг понял...

Они все хорошие. Они просто замечательные ребята! Потому что каждая нация в первую очередь по законам жизни призвана заниматься выживанием. То есть прилагать все возможные усилия для создания благоприятных условий существования принадлежащих к ней людей. Если надо – воевать за земли, рынки и ресурсы, если надо – вставать единым фронтом на защиту своих интересов по любому поводу, от военного вторжения до пустяшных экономических вопросов. Зачем Природа-Мать создала нации? Чтобы отдельно взятые слабые человечки не сдохли в диком и ярост-

ном мире. Чтобы сплотились в кучку по определенным признакам, стояли горой друг за друга, охраняли от чужаков свою территорию и дрались за каждую пядь родной земли. Если нация жила хорошо и множилась, воевали за земли соседей, тут уж – кто сильнее. Вся история существования человечества – это история войн за земли и ресурсы. То есть экспансия и аннексия – это обычная историческая практика. И не надо думать, что цивилизованность спасает нас от этих ужасных пережитков прошлого. Человек остался таким, каким он был миллион лет назад. Ни капельки не изменился...

Вот они и создают условия – во все лопатки, не жалея сил и энергии, единым фронтом. В чем их можно обвинить – в усердии, сплоченности и крепости родовых обычаев, которые для них важнее наших цивилизованных Законов? Или в том, что мы позволяем им пользоваться собой за недорого, как ленивые пожилые шлюхи?! Вы можете себе представить, чтобы рынки Баку «держали» русские? Если можете, скажите об этом азербайджанцам – они будут икать от смеха...

А то, что наркотиками пичкают да жуткой сивухой – это не со зла. Не надо тут искать какой-то злодейский умысел или умышленное вредительство. Это просто бизнес. С их точки зрения это вовсе не аморально. Это ведь НЕ ИХ нация поголовно колетса и умирает от алкогольного отравления! Это сугубо наш, добровольный выбор...

Мотивация азербайджанского землячества в этом деле очевидна и в комментариях не нуждается. Торговля наркотиками на данный момент – самый прибыльный бизнес. Вот вам конкретный пример прохождения одного килограмма «геры», зафиксированного нами в процессе беспристрастного наблюдения за рынком. Андижо продает Анвару кило героина кондиции «999» (весьма качественный порошок) за триста тысяч рублей. Анвар тут же расталкивает порошок дилерам по шестьсот рублей за грамм. Как и чем они там его бадяжат и за сколько сбывают потребителям, его не волнует – это уже их дела, а чистая прибыль – сами видите какая. С трех кило героина землячество, особо не напрягаясь, получает на ровном месте без малого миллион рублей прибыли. Для сравнения: чтобы получить такую же прибыль на фруктовом рынке, надо удачно продать тридцать тонн хурмы. Разницу чувствуете? Три кило – и тридцать тонн. Понятно, что тут тоже присутствует «амортизация», утряска вопросов с властями и так далее. Но, когда все налажено и везде «пробито», как в нашем случае, затраты на амортизацию минимальные.

Так, подъехали вплотную к индивидуальным особенностям нашего фигуранта.

Несмотря на свою солидность, принадлежность к очень влиятельной «семье» и довольно значительное положение в клановой иерархии, Анвар не чурается мелкой и «грязной»

работы. Трудоголик, э! Зачем ему это?

Тут все просто: прибыль от основного оборота получает «семья», а не собственно Анвар. Наш фигурант в данном случае выступает в роли менеджера, получающего за свой труд определенное вознаграждение (кстати, какое именно, нам так и не удалось установить, хотя пытались – было жутко интересно, сколько он имеет на этом деле). Ну так вот, как и всем прочим, Анвару хочется побольше денег, только и всего. Почему бы и нет? Специфика производства вполне позволяет иметь сторонние связи, вот он и выкруливает как может, подмолачивает по мелочи.

Мелочь в данном случае – те самые неорганизованные таджики-дилетанты.

Справка по теме.

В отличие от обычного потребительского рынка, наркорынок имеет некоторые специфические особенности. На обычном монополисты-гиганты либо не обращают внимания на трущихся рядышком редких «мелких частников», либо вяло отмахиваются от них, как от томных осенних комаров. Они, если и в самом деле редкие (то есть явление не принимает массовый характер), для монополистов не конкуренты и вообще, на рынке долго не живут.

А серьезные люди, типа Андижсо, в сторону своих неорганизованных земляков, самостоятельно пробующих силы в их бизнесе, в буквальном смысле неровно дышат.

Ловят в первый раз – жестоко наказывают, отбирают товар, предупреждают и депортируют домой. Лежи себе в юрте, лечи побои и переломы кизячными лепешками и думай, Бычий Уй, куда лезешь!

Если ловят вторично, поступают просто и сурово: с ходу всех валят и сообщают родственникам – за что. Чтобы, значит, другим неповадно было. Короче – Азия, господа!

Суровые нравы. Не дают никому почем зря топтать свою маковую грядку. Относились бы мы этак вот к своему бизнесу, глядишь, – давненько уже ходили бы в супердержавах.

Иногда, правда, допускаются трогательные отступления от правил. Засветившихся вторично дилетантов сдают «своим» ребятам из ФСКН и милиции (ну помните – это те самые победные репортажи об отловленных с героином в попе наркокурьерах). Для отчета, стало быть, для статистики и всеобщего благоденствия. Это что-то типа помилования. Радуйтесь! Посидеть, конечно, придется, но жизни не лишаем...

В «семье» Андижо этими дилетантами занимается некто Сохроб. Основная «должностная» обязанность у него – вычисление и отлов дилетантов. Короче, что-то типа контрразведки по «чайникам». Ну и, как полагается по нормальной азиатской логике, любой маленький начальник в первую очередь использует занимаемое им место для извлечения максимальной выгоды для себя лично, а уже во вторую – испол-

няет свои должностные обязанности.

Сохроб хороший охотник и неслабый специалист по выявлению дилетантов, но сдает Андижо далеко не всех, кого поймал. Мы так и не вычислили, какими мотивами он руководствуется при этом кастинге, но некоторых отловленных им дилетантов Сохроб соответствующим образом обрабатывает и... замыкает прямым на Анвара. Никакой личной дружбы – просто тихое деловое партнерство за спиной босса.

Анвар покупает у этих хлопцев товар по цене вдвое меньшей, чем та, что он дает Андижо. На такие мелкие мероприятия ездит сам лично, маскируется-конспирируется, своих старших в это не посвящает. Вывод: втихаря подрабатывает сугубо для себя, мимо общей кассы. Дилерская сеть под рукой, помешать не пойми какой порошок с качественным – не проблема, вот вам и маленькая сиюминутная выгода...

После некоторой паузы «Мерседес» выпустил в наши сектора упитанного таджика и долгожданного героя видеозарисовки – Анвара.

Спасибо, добрый человек! Я уже начал было опасаться, что ты сегодня нас так и не осчастливишь.

– Я быстро. Тры минут... – сказал упитанный и исчез в проеме.

Понятно: скорее всего, приносил образец для презентации, убедился в безопасности сделки, теперь пошел за всей партией. Удачи вам в бизнесе.

Однако что-то у нас пока полная тишина со стороны

контрагентов. Может, они вообще не отреагировали на сигнал? Печально, если так! Получается, зря страдали?

Анвар зевнул, лениво потянулся, шагнул к ближайшей елочке и полез в ширинку. Анфас он как раз к Ростовскому, занимательнейший кадр должен получиться...

– Джип. К вам... Едет... – Прошептал Костя в моем наушнике.

Получилось застенчиво и смущенно: Петрушин установил режим радиомолчания, а в качестве исключения упомянул лишь экстренный случай. Тянет это на экстренный или нет?

Все нормально, Костя, можешь не волноваться. Контрагенты – это как раз тот случай. Уж как мы их ждали!

Далее все было, как в голливудском блокбастере. Андижо – артист, умеет быть эффектным и, вообще, любит показать себя во всей красе.

По полосе отчуждения с обеих сторон к проему подкатили два краповых джипа (тот, что со стороны магазина на МКАД, видимо, продирался где-то через посадки – наше наблюдение его не зафиксировало) и разом встали. Один вприпрыжку к «Мерседесу» Анвара, сзади, второй – метрах в пятнадцати от проема.

Дехкане, подпиравшие забор, юркнули было в спасительный проем, но спустя пару секунд возникли обратно: спиной вперед, с поднятыми руками. Вслед за ними таким же манером выпростался упитанный, с удрученным выражением ли-

ца и безразмерной печалью в глазах. А секунду спустя проем изверг в наши сектора причину этой печали: двоих чистеньких поджарых хлопцев в шелковых рубашках (подвид – гангстер таджикский, московско-адаптированный). Хлопцы имели в руках «калаши» со складными прикладами, а тот, что слева, в придачу еще и некий загадочный пакет.

Из джипов быстренько высадились еще по паре хлопцев с автоматами, встали у передних бамперов, как бы обозначая габариты. И в завершение из того джипа, что пристроился за «Мерседесом», вылез и предстал пред взором восхищенной публики сам мистер Андижо. Медленно и вальяжно, в белоснежных брюках и такой же рубашке, с сигарой в ручке на отлете, с оттопыренным мизинчиком (это не нарочито – просто платиновый перстень грамм на двести, попробуй тут не оттопырь!) и ослепительной улыбкой во все «тридцать два – норма».

Ну, это мы – публика, «пацанам» поровну, а пойманные с поличным наркокурьеры, понятное дело, никакого восхищения не испытали, скорее наоборот!

– Ай, Анвар – ты тоже здесь?! Вот те раз! Здравствуй, дорогой, рад тебя видеть...

Комментарий по теме.

Андижо – товарищ завидно осведомленный, всегда держит руку на пульсе событий и следит за меняющейся обстановкой. В общем, он в курсе, что Анвар промышляет по-

добными «левыми» делишками. У нас в активе есть материалы «прослушки» и один факт. Материалы: в общении с близкими Андижо не раз сетовал на то, что Анвар – неплохой, в общем, парень, чрезвычайно жаден до денег и из-за этого не гнушается мелкими пакостями. А наводит, мол, кто-то из наших, по-другому никак. Найду кто – убью!

Факт: за период нашего наблюдения Андижо разок застукал Анвара едва ли не с поличным. Аккурат два месяца назад, совершенно случайно, пересекся с Анваром, когда тот ехал вот с такой же сделки. Пока партнеры обнимались, на виду у поста ДПС, один из охранников (сабсэм калхозный, э!) возьми да и спроси: а не перепрятать ли порошок – вдруг на посту «шмонать» станут?!

Какой такой порошок? Оп-па... Наш парень как раз ехал со стороны одной из таких вот таджикскихстроек, подвоха не ждал и с ходу не сумел толком объяснить, что почем. Еле выкрутился.

Андижо тепло распрощался с контрагентом и сразу рванул на стройку. Поставил там всех в положение «а-ля краб» и мгновенно нашел лишнего товарища (не из бригады – у них там своя статистика и учет). После минутного общения истекающий кровью «лишний» показал, где спрятал деньги, вырученные за товар, признался, что имел сделку с Анваром, и тотчас же был публично расстрелян. Андижо его собственноручно исполнил. Осерчал, в общем.

А вечером в кругу друзей опять сетовал: нервы ни к черту,

голова плохо работает, надо было спросить, кто свел! Да уж, точно – надо было...

Вот этот пробел мы и восполнили, как только образовался благоприятный момент. То есть тихонько сдали Андижо предстоящую сделку, а заодно и доброго парня Сохроба. Детали подачи информации опускаю, это была целая оперативная комбинация (надо же было предвосхитить все дурные вопросы из серии «а что это за доброжелатели такие?!»), но в итоге сдали гладко и чисто. Правда, в служебном плане у нас получилась художественная самодеятельность: активно вмешиваясь в процесс, мы вышли за рамки должностных полномочий, предписывающих «чистое» исследование. Но, надеюсь, тут нас понять несложно. Мы уже довольно долго пьем на всю эту благодать – сторонне и безучастно, а тут вдруг появилась прекрасная возможность так ненавязчиво принести стране немного пользы (это оправдание) и малость потешить душу (а вот это уже ближе к теме).

Есть, знаете ли, надежда, что Андижо в припадке справедливой ярости тоже выйдет за рамки и шлепнет Анвара... Товарищ внешне выдержан и вроде бы благоразумен. Но есть факты – несколько раз убивал людей именно в спонтанном припадке дикой ярости.

Костя Воронов – большой специалист по хитросплетениям человеческих страстей – анализировал его психотип и вы-

нес вердикт:

— В общем, есть вариант. Процент небольшой, но вполне обнадеживающий: примерно два к десяти, что он его шлепнет...

Что это значит? В идеале война между таджиками и азербайджанцами. Особенно, если не пускать события на самотек, а продолжать активно корректировать и стимулировать ситуацию. А в норме, если войны не будет, как минимум затяжной производственный конфликт, разборки и раздраз. Тоже неплохо, согласитесь. Хоть какая-то практическая польза от нашей научно-прикладной деятельности...

— Здравствуй, Андижо... Я... тоже рад... Гхм-кхм...

А не похоже. Личико Анвара закаменело, голос дрожит, паузы какие-то ненужные. Нежданчик называется!

Шкафчики Анваровы тоже подрастерялись: стоят как столбы, глазами хлопают. Ну и чего тут делать? Если вдруг что — попробуй выступи на пару супротив шести автоматов (не думаю, что они в тот момент сообразили, что разом палить по ним могут только двое от забора — те, что у машин, были друг у друга в секторах, да и Андижо торчал у них на линии огня)!

Пока боссы здоровались, хлопцы Андижо привели дехкан и упитанного в агрегатное состояние: пнули положенное количество раз и пристроили у забора — на колени, руки на за-

тылок, смотреть вниз!

Андижо поманил пальчиком – из джипа вылез... Сохроб. Так, вот это уже интересно...

Сохроб бледен, с трудом натягивает дежурную улыбку, руку Анвару подал сухо-официально... Изо всех сил старается показать, что все в порядке и ничего такого особенного не происходит...

Андижо с напускной веселостью похлопал Анвара по плечу:

– Поболтайте, я быстро – разберусь с этими...

И направился к застывшей у забора троице.

Нервы в порядке? Если нет – переверните страницу. Андижо всегда славился изощренной жестокостью по отношению к предателям. Если в порядке – продолжаем трансляцию с места событий.

Андижо приблизился к упитанному, коротко спросил по-русски (это на публику – мог бы и на своем переговорить):

– Тебя кто с Анваром свел?

Упитанный, серея лицом, пожал плечами и что-то неразборчиво пробормотал.

– Говори мне правду, – предложил Андижо, сдувая пепел с сигары. – И тебе не будет больно.

Упитанный опять что-то пробормотал, опуская взгляд.

Андижо толкнул парня ногой в грудь – тот упал на спину, – наступил ему на голову, прижимая к земле, и... ткнул тлеющим концом сигары в глаз.

Раздался душераздирающий вопль – мне показалось, что отчетливо запахло паленым, хотя ветерок дул от нас к ним.

Сохроб побледнел еще сильнее и обреченно покосился на Анвара. Анвар, тоже стремительно теряя приятный румянец щек, отвернулся.

– Говори мне правду, – опять предложил Андижо, быстро пыхая растрепавшейся на «рабочем» конце сигарой. – Пых-пых-пых... Не хочешь? Ну, давай еще...

– А-а-а!!! – Несчастный дернулся как ударенный током. – Сохроб!

– Кто?

– Сохроб!!!

– Это который Сохроб? – Андижо убрал ногу и приподнял парня за шиворот. – А ну, пальцем покажи?

Упитанный, зажимая ладонью глаз, не глядя ткнул пальцем в сторону «Мерседеса».

– Ну, тут у нас все понятно, – Андижо резво направился к «Мерседесу». – Тут у нас один Сохроб, правильно?

И протянул правую руку ладонью кверху.

Один из «хлопцев» у джипа, стоявшего за машиной Анвара, вытянул из-за пояса пистолет, быстренько подскочил, услужливо вложил оружие в ладонь хозяина.

Андижо, адресуясь к Сохробу, бросил короткую фразу на шугнано-рушанском. Сохроб, не поднимая глаз, покачал головой и сокрушенно развел руками.

– Он тебе нужен? – вежливо поинтересовался Андижо у

Анвар.

Да, вопросец... Окончательно утративший румянец Анвар машинально промокнул платком вспотевший лоб и неопределенно пожал плечами, также избегая смотреть в глаза Андижо. «Шкафчики» его, как мне показалось, дышали через раз и притворялись столбами, а хлопцы Андижо, как по команде, чуть приподняли стволы автоматов и поменяли угол прицеливания.

– Ну, я так и подумал. Кому нужно такое дерьмо? – Андижо, зловеще прищурившись, кивнул: – Попрощайся с ним.

– В смысле? – не понял Анвар.

– Ну, руку ему пожми или обними. Нормальный ведь парень был, правда?

Анвар, косясь на пистолет в руке Андижо, шагнул к Сохробу и протянул ему руку.

В этот момент Андижо быстро приставил «ствол» к виску Сохроба.

– Ту-дух!

Шлепнуло глуховато – звук выстрела утонул в рокоте работающей за забором техники.

Сохроб кулем рухнул наземь. Андижо сильно рисковал, выбирая такой угол выстрела, но рассчитал все правильно: большая часть того, что брызнуло из несчастного Сохроба, попала Анвару на лицо и рубашку.

– Апф... Апф... – Анвар, даже не пытаясь обтереться, сел на корточки и вернул в мир то, что было съедено им на зав-

трак.

– Извини, не хотел, – вроде бы даже искренне сказал Андижо, отдавая пистолет телохранителю. – Езжай домой, тебе надо отмыться... Давай, чего встали?!

Последнее предложение было адресовано «шкафчикам» Анвара. Не заставляя страшного контрагента повторяться, они подхватили плохо владеющего собой босса под руки и усадили его в «Мерседес». Спустя несколько секунд роскошный «немец», живенько обрулив стоящий позади него джип, со спринтерской скоростью припустил по полосе отчуждения прочь.

Андижо, согнав улыбку с лица, плюнул вслед уехавшим и ткнул пальцем в сторону коленопреклоненной троицы у забора. Один из «хлопцев», стерегущих проем, прислонил автомат к забору, достал из-за пазухи небольшой нож с кривым лезвием и схватил упитанного товарища с подпаленным глазом за шиворот...

* * *

Видели, как баранов режут? Если видели, вам будет все понятно. Если нет, живописать не стану – больно уж удручающее зрелище.

Упитанного и одного из дехкан «хлопец» прирезал сноровисто и быстро. Андижо безучастно наблюдал за процессом, закулив новую сигару, а его водила с одним из автоматчиков

в это время упаковывали Сохроба в багажник джипа, заблаговременно выложенный, как выяснилось, целлофаном. Человек не чужой, из клана, похоронить надо с подобающими почестями.

Да уж, спонтанной вспышкой ярости тут и не пахнет – целлофан все объясняет. Напрасно мы понадеялись на Андижо, не оправдал он наших чаяний. Получается, зря пыхтели. Сдавать видеоматериал в органы – это даже не смешно. У нас в стране представителей наркомафии такого ранга не сажают *в принципе...*

А со вторым дехканином получилась небольшая загвоздка.

Вроде бы, как и первые двое, он впал в ступор, прямо воплощение слепой покорности судьбе, стоял на коленях, обреченно склонив голову... Но, почуяв прикосновение к шее смертоносной стали, внезапно рванулся, как раненый барс, сшибая наземь палача, и во все лопатки припустил в глубь посадок!

– Пятый – ложись! – глухо прошипел в наушнике голос Петрушина.

– Есть, – мгновенно отозвался Вася Крюков. – Дальше что?

«Габариты» у дальнего джипа рефлекторно вскинули автоматы, повели «стволами»... Тот, что ближе к забору, через секунду поднял «ствол» (товарищ в секторе), начал смещаться вбок.

Наверное, дехканин ушел бы: был он удивительно резв – куда там энерджайзеру, но... Вдруг провалился одной ногой в землю, едва ли не по самый пах!..

«Товарищ в секторе», как и полагается опытному бойцу, не замедлил воспользоваться ситуацией.

– Та-та-та! – экономно выдал автомат, перечеркивая жизнь резвого дехканина. И тут же добавил для контроля: – Та-та, та-та...

Парень обмяк и завалился на бок. Двое у дальнего джипа, взяв оружие на изготовку, тотчас же направились к нему...

– Пятый, берешь обоих, – бесстрастно скомандовал Петрушин.

...А проблема заключалась в том, что бедолага провалился аккурат в скрадок Ростовского! Товарищ, видимо, глубоко штатский, бежал ровно по директрисе, где меньше растительности и легче перемещаться. Любой мало-мальски опытный вояка сразу бы нырнул в кустики...

– Работаешь через две секунды после нашего старта. Восьмой – выламываешься через секунду, как крикну. Потом оба лупите с места по забору и ближнему джипу – там водила. Перемещаться не надо, попадете к нам в сектор.

– Понял, – ответил Вася.

– Понял, – голос Ростовского показался мне каким-то болезненным.

– Седьмой, берешь ближнего к тебе у правого джипа. Потом – водилу, он без оружия. На мое «ложись» не реагиру-

ешь. Три, два, раз... Понеслась!!!

Уф-ф! Ох и тяжело после пяти часов неподвижного лежания, без разбега, сваливаться в режим боя... Когда лежишь в засаде и ждешь команды для нападения, есть время продышаться, разогнать организм, потянуть мышцы специальными упражнениями – короче, подготовить свою боевую машину к напряженной работе.

А тут получилось – как внезапный старт двигателя после ночи на морозе. Дрынь-дрынь – и поехали.

Из скрадка я выламывался целую вечность.

– Ложись!!! – бешеным буйволом взревел Петрушин...

...а я еще только-только справился со слоем дерна и даже окончательно не распрямился в своем разрушенном окопе.

Петрушин, как всегда, опередил: оглушительно рявкнул, метнул что-то в направлении джипов и помчался вперед.

Я заметил, в такие моменты время резиново растягивается и тобой постоянно владеет паническое чувство: не успеваю, не успеваю, медленно все делаю!!! Да, я тут все медленно делаю, как последний тюлень, а рядышком торчит куча народу с автоматами и с интересом наблюдает...

Оказавшись на воле и толком не сориентировавшись, я рванул во все лопатки к обозначенной цели, на бегу впитывая обстановку.

Спасибо Андижо – держит в охране воевавших товарищей. На «ложись» и летящий предмет среагировали правильно: мгновенно рухнули кто где стоял и прикрыли голо-

вы руками.

Эти двадцать пять метров до джипа я бежал страшно долго – наверное, секунды четыре, а то и пять. За это время успел освоиться с обстановкой и рассмотреть следующие моменты:

– к тем двоим, что упали в паре метров от скрадка Ростовского, из кустов вымахнула маленькая серая тень. Пока из вспучивающейся на глазах кочки рождался Ростовский, тень успела дважды коротко блеснуть тусклой сталью, забрала автомат у последнего, ею убиенного и, кульбитом уйдя в сторону, изготовилась для стрельбы лежа за елью;

– Андижо – большой респект от всех, кто понимает в военном деле. Ну просто очень реактивный товарищ. За неполные четыре секунды успел: упасть вместе со всеми, оценить обстановку, опять вскочить и даже принять какое-то подобие боевой стойки! Вот это боец, вот это лидер!

– Петрушин свистящим болидом походя снес со своего курса безоружного Андижо и, одним прыжком покрыв расстояние до джипа, скрылся из поля моего зрения. Его объект – автоматчик у правого фонаря, а я топал к багажнику;

– двое у забора (самые дальние) среагировали быстрее всех – к тому моменту, когда мне оставалось до джипа каких-нибудь три метра, они уже начали подниматься;

– а лично на моем участке работы случилась беда: водила оказался штатским!

То есть рядом лежал боец с автоматом, прикрыв голову

руками, а водила, разинув рот (даже не попытался укрыться!), держался одной рукой за распахнутую крышку багажника, смотрел на меня широко раскрытыми глазами и... тянул из плечевой кобуры пистолет.

– Ту-дух!

Он успел-таки достать пистолет и шлепнул навскидку – в последний момент я «щучкой» прыгнул ему в ноги, уходя с линии выстрела, и сшиб стрелка на землю.

– Та-та! Та-та! Та-та! – заработало совсем рядом, с той стороны от джипа, куда пару секунд назад рывком ушел Петрушин.

У забора кто-то коротко, с подвывом, вскрикнул.

– Та-та-та! – обнадеживающе застрекотало с позиции Васи и Ростовского. – Та-та! Та-та! Та-та!

Со всей дури рубанув ребром ладони по горлу водилы, я забрал у него пистолет, извернулся, как уж, и, не дожидаясь реактивности начавшего подниматься бойца, дважды пальнул ему в голову. Посмотрел на водилу – готов, признаков жизни нет.

Все, у меня «чисто».

– Погоди, брат! – истошно взвизгнул Андижо. – Брат! Я...

– Та-та! – непримиримо вынес вердикт Петрушин.

– Аррр...

– Та! – и точка.

И – тишина.

Я осторожно выглянул из-за багажника: Андижо, подер-

гивая ступнями, тихо отходил в лучший мир.

Двое у скрадка Ростовского, один у дальнего джипа (во-дила), двое у забора, двое у меня, один у Петрушина. Плюс Андижо собственной персоной.

– Четырнадцать, – подытожил Петрушин. – Кого-то заце-пило?

Петрушин всегда считает. Привычка такая. Четырнадцать – это время, а не трупы. Четырнадцать секунд с момента старта – чистое время боя.

– В порядке, – подал голос Вася.

– А мне ляжку отдавили, – пожаловался Ростовский.

– Серый?

– Я в порядке! – голос мой прозвучал этаким несолидным хриплым дискантом.

Ну вот, неожиданная встреча закончилась со счетом де-вять – ноль.

Вообще-то, не планировали. Как я уже говорил, в наши обязанности не входит прямое вмешательство в исследуе-мый процесс. Увы, что поделать – издержки производства, сами понимаете...

Глава 2

Дилер

Во вторник, второго августа, хоронили Андрея Ивановича Исаева.

Погода была... Впрочем, сейчас уже и не вспомню, как там насчет погоды – в тот день у меня на душе было так скверно, что на подобные мелочи я просто не обращал внимания. Что там погода – я, «шифруюсь», машину оставил где-то на подступах к кладбищу, а потом, когда уже все уехали, не сразу ее и нашел. Так расстроен был, что забыл, где поставил.

Вопреки ожиданиям народу на кладбище было немного, так что моя надежда затеряться в толпе не оправдалась.

Как-то так вышло, что, дожив до тридцати двух лет, я – Игорь Прыгунов – ни разу не участвовал в похоронах ветеранов правоохранительных органов. Наш кинематограф по этому поводу весьма скромн и молчалив, поэтому я руководствовался исключительно голливудским стандартом: сверкающий катафалк, вереница не очень новых, но вполне приличных и крепких авто, вся полиция штата в полном составе, жены, дети, оркестр, журналисты – в общем, изрядное столпотворение, на фоне которого некий тайный друг усопшего ни у кого не вызовет вопросов.

А здесь было, без учета квартета убогих из похоронной команды, всего одиннадцать человек. Мать, жена, сын, дочь и семеро сотрудников – наверное, самые преданные и верные. Вот поди тут и затеряйся!

Я стоял на чьем-то «семейном» участке, располагавшемся неподалеку от свежевырытой могилы, и наблюдал за ходом погребения. Руки мои, совершенно непроизвольно и безо всякой надобности, крепко вцепились в почерневший от времени штакетник невысокой оградки, взгляд застилала красноватая влажная пелена, а к горлу подступал здоровенный ком, готовый в любую минуту выскочить наружу и превратиться в безудержные рыдания.

Странно...

Исаев не был мне близким человеком. Не друг, не брат – курирующий опер. То есть связывали нас сугубо «производственные» отношения, началом которых был жесткий шантаж с его стороны. Так что, по идее, этак убиваться мне не стоило. Особенно в свете последних событий – те, кто побывал в моей шкуре, поймут, что я имею в виду.

Неделю назад Андрей Иванович учудил: отдал мне папку с моим «оперативным делом» и сообщил, что мою подписку он уничтожил.

Я в буквальном смысле впал в ступор. То есть разинул рот, сидел как истукан и хлопал глазами. Андрей Иванович усмехнулся, легкомысленно подмигнул мне (он был слегка подшофе) и совершенно спокойно заявил:

– Меня, по всей видимости, скоро завалят. Вот, хочу на прощание долги раздать. Чтобы, значит, никто из-за меня не пострадал...

– ???!!!

– Нет, я не шучу... В общем, ты теперь сам по себе, товарищ Бубка. В моем сейфе на тебя ничего нет. По всем документам ты проходишь под оперативным псевдонимом, без «привязок». Так что – свободен. Гуляй, куда хочешь...

Помимо всего прочего, кстати, следует заметить, что Андрей Иванович в любой момент мог упрятать меня на нары – минимум лет на десять.

Любой сексот «на подписке» (да и просто «на доверии») скажет: повезло! Это как индульгенцию выдали за все прошлые прегрешения, подарили чудесную возможность начать новую жизнь...

Теперь домовину с телом моего куратора тихонько опускают в жадно разверстую пасть земли. А всю компру на себя, которую он вернул мне, я сжег в тот же день.

Казалось бы, надо радоваться, благодарить судьбу за милость и строить планы на светлое будущее.

А я, как видите, не радуюсь.

Я в шоке.

Объясняю. Представьте себе: приходит к вам человек, этак мимоходом, хихикая и ковыряясь в ухе, сообщает, что его скоро убьют... А ровно через три дня вы узнаете, что человек и в самом деле умер. Это нормально? Да, следует, на-

верное, добавить: я среднестатистический тепличный индивид, профессия у меня самая мирная – врач. То есть смерть для меня, конечно, не в диковинку – в силу специфики работы, но до сего момента среди моих знакомых никто никогда этак вот планово, предварительно уведомив об этом, не умирал...

Знаете – как будто к Бездне прикоснулся. Насчет того, что она существует, я был в курсе... Но как-то в общих чертах: это были совсем чужие и безразличные мне люди...

А вот так близко никогда ранее с нею сталкиваться не доводилось. Между нами всегда был прочный и надежный буфер – дядя Андрюша.

А теперь, стало быть, у нас прямой и непосредственный контакт.

Ну и сволочь же ты, Андрей Иванович... Нехорошо поступил. Это то же самое, как если бы машинист разогнал локомотив до критической скорости и прыгнул, предварительно сообщив пассажирам: ну все, я пошел... А вы тут давайте – как-нибудь сами!

В общем, бросил на произвол судьбы. Я ведь уже привык считать себя частичкой Системы. У меня была защита, «крыша», помощь на все случаи жизни. Если проще – я был «правильным».

Теперь я один на один со всем этим. Я просто преступник, безо всяких скидок и уважительных причин. Если захочу, воспользовавшись паузой в судьбе, «завязать», это на-

до будет очень сильно постараться. Аналогия с разогнанным локомотивом – это ведь не просто так, от фонаря. В нашей кухне, даже если очень захочешь, соскочить на полном ходу будет чертовски сложно. Как минимум можно ноги переломать и со здоровьем распрощаться...

А еще меня поразило мужество этого человека. Вот ведь не ожидал...

Я его всегда считал *подленьким*. Не подлецом и негодяем с большой буквы, а именно подленьким. То есть реально-го вреда он никому не делал, а так – пакостил помаленьку, пользуясь своим незаурядным умением манипулировать человеческими пороками и слабостями. Комплекция и облик у него, кстати, были как раз под стать: этакий мелкий тип с добреньким личиком и замашками школьного ябеда.

Ну так вот – человек знал, что его убьют. Это было не какое-то там расплывчатое гипотетическое утверждение из серии «Все мы смертны и рано или поздно сдвинем лыжи, тут уж ничего не поделаешь...», а конкретное: «Через три-четыре дня меня завалят».

Он не стал сучить ножками, вопить о несправедливости судьбы, не забился в угол, обмирая от страха. А в первую очередь, как он выразился, – «раздал долги». То есть позаботился о том, чтобы устроить дела людей, которые от него зависели. И на которых, по большому счету, ему было наплевать.

Не уверен, что я на его месте смог бы вести себя хотя

бы наполовину так же стоически. Так что земной поклон тебе, Андрей Иванович. Жил как придется, а смерть принял с большим достоинством...

Гроб опустили и начали засыпать.

Вообще, похороны были очень скромные, никаких тебе обрядов, служителей культа или просто даже оркестра.

Самоубийца... Бросился с крыши...

Тишина стояла в буквальном смысле гробовая, и даже через две оградки был слышен скрежет вонзающихся в землю лопат и глуховатый стук ударяющихся о крышку гроба комьев земли...

Представил вдруг – живо, как наяву: Андрей Иванович лежит с вечной своей ехидной ухмылкой, а на лицо ему сыплется земля...

Некоторое время бездумно стоял, вслушиваясь в этот душераздирающий стукоток... Потом забыл про конспирацию – такое смятение чувств навалилось, что совсем перестал соображать, – перелез через оградку, через вторую, подошел к могиле... У вдовы лицо каменное, взгляд безумный, такое впечатление, что она не понимает, что вообще сейчас происходит... Любила? Оказывается, и таких мелких пакостников кто-то любит...

Бросил горсть земли в могилу, взял за руку вдову, понес какой-то бред соболезнающего характера...

– А вы кто ему?

Это мать Андрея Ивановича. Из-за плеча безутешной вдово-

вы, негромко, но требовательно.

Практичная дама. Такой момент, такой момент... Вроде бы убиваться надо, заходиться в рыданиях, в могилу лезть: на кого ты нас покинул, сынуля, сиротинушками оставил!!! Ммм-да...

– Я это... Ну...

А голова совсем не соображает – вопрос-то вроде простой, соврать что-нибудь и вся недолга... Друг детства? Мать наверняка бы знала... Коллега? Вон коллеги стоят, насупились, уставились подозрительно...

– ...в общем – никто.

– ?!

А что сказать? «Я простой наркодилер, толкал „гердос“ под крепкой „крышей“ вашего сына»?!

– Понимаете... Я ему очень обязан. Очень. Ваш сын спас меня от тюрьмы...

* * *

Перечитал кучу книг, пересмотрел километры кино в рамках темы. Не то чтобы люблю терзаться, но иногда бывает – накатывает. Что-то внутри меня восстает против всего того...

Как правило, в сюжетах, близких к моему (из серии «как я стал драгдилером»), всегда присутствует какая-нибудь душераздирающая история слезоточивого характера. Вариан-

тов море: дорогая операция смертельно больной матери, вызволение из цепких лап правосудия оступившегося младшего брата, спасение от кроважанных бандосов попавшей на «кидняк» сестрички – и далее в таком духе, семьдесят три страницы. Общая суть: внезапно и остро нужна куча денег для благого дела, а взять негде. Скрепя сердце и горько плача ночами от безысходности, переступаем через общечеловечьи принципы и начинам творить зло: ворует, грабим, становимся наемными убийцами, сутенерами... Или просто барыгами: начинаем потихоньку торговать драгами. Наркотой, то бишь.

Не знаю, есть ли в таких историях какая-то доля истины, или все это сплошь художественное вранье... Но лично у меня никакого извинительного мотива нет. То есть денег, конечно, не хватало, как и всем вокруг, но не так уж, чтоб совсем совесть продать и пуститься во все тяжкие. Получается, что я гад? Давайте я вам коротенько расскажу, как я докатился до жизни такой, а вы сами решите, так оно или нет.

Для начала скажу пару слов о моем родном городе. Дальнейшие события будут разворачиваться именно здесь, поэтому, если кто не знает, есть смысл поверхностно ознакомиться с пейзажем.

Черный Яр – небольшой городок в ста километрах к северу от Москвы, уютно раскинувшийся по обеим берегам самой знаменитой русской реки. Это наукоград во всех отношениях: научно-исследовательский центр ядерной физи-

ки, к которому прилагается необъятный комплекс лабораторий и опытных площадок, собственный университет, давший миру немало знаменитостей, и «силиконовая долина» – обширный жилой массив, заселенный молодыми специалистами, учеными, компьютерщиками и прочей творческой интеллигенцией.

С момента основания и до 2000 года Черный Яр был «закрытым» городом. «Распечатали» его, как видите, аж пять лет назад, но в плане администрации и порядка жизни все осталось практически в исходном состоянии.

Пример: один знакомый недавно попробовал зарегистрировать на своей жилплощади нерусского друга детства, который приехал искать работу в столице. Казалось бы, чего такого, да? В Москве некоторые бабуси в одной комнате по сорок человек регистрируют за деньги, и никто на это не обращает внимания.

А тут – не дали. Мотивировали так: вы что, забыли, где живете? Вы, может быть, думаете, что у нас «первый отдел» упразднили?!

Знакомый возмутился: моя частная квартира, что хочу, то и делаю! Ну, тут вы не правы, сказали знакомому. Переезжайте в другой город – и пропишите у себя хоть весь Северный Кавказ. А у нас этот номер не пройдет. Жаловаться? Да на здоровье! Хоть в Комиссию ООН по правам человека...

Как видите, все по-прежнему строго, четко и с полоборота – у нас не забалуешь.

Я свой город люблю, но расхваливаю его вовсе не из-за этого. Просто хотел наглядно провести параллель: если то, о чем я расскажу ниже, есть у нас, можно себе представить, что творится в других городах, не обремененных сенью влияния «первых отделов».

Сколько себя помню, у нас всегда на подстанциях «Скорой помощи» потихоньку торговали «кислотой» (ангидрид уксусной кислоты). Многие знают, для чего сия вещь нужна, а кто не в курсе – это значит, что вы просто счастливый человек! Оставайтесь и далее в приятном неведении, спать крепче будете.

Я до недавнего времени работал врачом «Скорой помощи». В «кислотном» процессе не участвовал по чисто техническим причинам, но кухню знаю. Участвуют там сестра, фельдшер и охранник (торгуют, как правило, ночью) – с высокого благословения начальства, которому и уходит львиная доля дохода. Выездной бригаде места в этой приятной цепочке нет, она в полном составе (бригада, а не цепочка) со свистом пролетает.

Ну так вот, я как-то сдуру проявил смекалку и изобрел способ втихаря и помалу тырить общественный ангидрид. Не подумайте чего плохого – это вовсе не для продажи или, упаси господь, для себя! Для друга брал. Сугубо из альтруистских побуждений.

Есть у меня такой друг – Людвиг Зверев... Не буду распространяться на старую избитую тему насчет подмены по-

нятий «друзья – приятели – собутыльники», все и так в курсе. Людвиг как раз друг, и, пожалуй, даже единственный в жизни. Остальные – так, приятели.

Да уж, Людвиг... Как говорится – светлая печаль моей жизни. Родители мечтали, чтобы он стал великим музыкантом, этак вот обозвали с благими намерениями и вовсе без злого умысла. Представляете, как дитя мучилось в процессе становления?! За одно лишь «погоняло» (без вариантов – «Люда»!) можно было проникнуться к предкам лютой ненавистью и потом мстить им всю жизнь.

Но Людвиг добрый. Он у нас – местная мать Тереза. А докатился до жизни такой, подозреваю, все же из-за имени. Потому что в детстве и юности постоянно приходилось всем доказывать, что он вовсе не Люда, а весь из себя «крутой чувак». Приходилось поступки совершать. Делать вещи, присущие «правильным пацанам», показывать, что тебе не «слабо». Вот и привык.

Людвиг – студент-недоучка. Мы с первого класса этак бодренько бежали вместе по жизни, легко и просто поступили в «мед», а в конце четвертого курса он сошел с дистанции. Не то чтобы остался на обочине – плетется помаленьку дальше... Но без прежнего задора и планов на будущее. Какие тут могут быть планы?! «Планы» – это детские шалости. Это уже пройденный этап. Людвиг давно и системно «торчит» на опиатах. А в последнее время, благодаря одной скотине, – конкретно подсел на героин. Да, скотина – это я. Прошу лю-

бить и жаловать...

Короче, для Людвиг я периодически совершал мелкие служебные преступления: списывал препараты группы «А», выправлял ему левые «терки», а под завязку крал «кислоту». «Под завязку» – потому что это длилось недолго. Вычислили меня быстро и без особых хитростей. Это ведь если вся система работает, воровать легко: снизу продают, сверху списывают и актируют. А когда у них самих воруют, они это дело моментально высчитывают, потому что это уже не государственное, общее, а свое, кровное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.